
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1809.

№ 3.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

НОВАЯ ПОЛИТИКА (*).

O cives, cives! quaerenda pecunia primum est,
virtus post nummos.

Вотъ правило новыхъ Политиковъ: „О граждане, граждане! сперва деньги, а послѣ добродѣтель!“ Смѣшно относить къ нашимъ Правленіямъ строгія правила древнихъ законодателей; всѣ ихъ способы народнаго и частнаго благодѣянія были основаны на шрудной и печальной системѣ терлѣнія. Не всѣ ли древніе Философы, Поэты, Историки, Орапоры, вооружаются противъ роскоши и богатства? Что слово, то сатира на торговлю. По ихъ рѣчамъ кажется, что вся-

(*) Насмѣшка надъ Французскою Политикою.
№ 5.

кой великой человекъ долженъ жить въ бѣдной хижинѣ, ѣсть одни корни и пить воду изъ глиняныхъ сосудовъ. По ихъ мнѣнію тамъ нѣтъ Республики, гдѣ люди смѣются, пляшутъ, хорошо пьютъ и ѣдятъ, и гдѣ забавы съ искусствами служатъ послѣ трудовъ успокоеніемъ.

Плапонъ между прочими былъ и такой Фанатикъ нравовъ и добродѣтели, что онъ запретилъ строить города на рѣкахъ или на морѣ, боясь, чтобы жители, отъ спеченія торговыхъ людей, не заразились чуждыми пороками. Любовь къ удовольствіямъ казалась ему язвою. Онъ хотѣлъ, чтобы народы жили врознь, а города были монастырями. Ликургъ, будучи еще строже и неумѣреннѣе Плапона, вздумалъ такую химеру превратить въ сущность. Онъ сдѣлалъ изъ Лакедемона общину воинственныхъ монаховъ, которые всякой день мучили себя, чтобы послѣ храбро драться, и всякой день постились, чтобы сносить голодъ въ походахъ. Однимъ словомъ, всѣ древніе законодатели соглашались въ томъ, что надобно родъ человеческой держать въ рукахъ, пѣснить, мучить, и весь міръ обратить въ Фивскую пустыню. Такія странныя, Лапранскія мысли украшались высокопарнымъ суемудріемъ; без-

стыдные Софисты хотѣли даже увѣрить насъ, что все это дѣлается для нашей пользы. „Человѣкъ, говорили они, бываетъ „только несчастливъ отъ спрасней и „нуждъ своихъ; еслили удалимъ отъ него всѣ предметы желанія, по потребности „и суешнаго любопытства, то удержимъ „его въ предѣлахъ Нашуры и подъ вла- „стїю разума. Мы запрещаемъ въ са- „момъ дѣлѣ не истинныя забавы, а пред- „упреждаемъ только угрызеніе совѣсти „и раскаяніе.“

Желая въ двухъ словахъ вмѣстипъ все ихъ ученіе, скажемъ, что нравы и добродѣтели были понкимъ ядомъ сихъ самовольныхъ образователей, сихъ политическихъ Янсенистовъ, которые никакъ не хотѣли вѣрить благодѣтельнымъ успѣхамъ человѣческаго разума. Соспоянїе гражданскихъ обществъ было тогда нѣкоторымъ образомъ благопрїятнѣе для такой системы. Множество малочисленныхъ, бѣдныхъ народовъ должноствовало думать о своей безопасности въ сосѣдствѣ народовъ сильнѣйшихъ и честлюбивыхъ: Тѣлесныя силы, умеренность въ образѣ жизни, мужество и терпѣніе были тогда самымъ дѣйствительнѣйшимъ оружіемъ. Искусство не изобрѣтало еще сихъ грозныхъ машинъ, которыя не имѣ-

юшѣ нужды ни въ силѣ, ни въ добродѣтели.

Философія и дальнѣйшіе успѣхи чловѣческихъ знаній открыли намъ шайство соединяющъ веселья съ дѣлами, роскошь съ силою и дурные нравы съ великими подвигами. Мы свергнули съ себя иго старинныхъ Моралистовъ, и новыми системами доказали ложь ихъ мудрости. Все приняло другой видъ; доходы стоящъ шеперь на ряду съ добродѣтелями; торгъ занялъ мѣсто нравовъ; справедливость, безкорыстіе, бережливость, обратились въ ничтожество отъ расчетовъ корысти; всеобщее *гнетеніе* порываетъ умы къ опаснымъ предпріятіямъ и важнымъ открытіямъ; воображеніе летаетъ, и находитъ новые способы щастія и богатства; всѣ механическія художества, всѣ науки истощаются для новыхъ средствъ защиты или испребленія людей; всѣ, одаренные великимъ умомъ, наперерывъ стараются украсить жизнь, умножить число пріятностей и наслажденій. Вездѣ опвергаютъ заблужденіе; вездѣ бѣда и гибель предразсудкамъ, хотя и по правда, что мѣсто старыхъ и плѣнныхъ часто занимаетъ новыми и сильнѣйшими.

Число и быстрота движеній во всей Европейской Полицикѣ чудеснымъ обра-

зомъ умножились; головы дымятся; богатство служить подспреканіемъ дѣятельной промышленности, роскошь питаетъ жизнь въ государствахъ. Алчность ко злату, нужному для удовольствія спрашей, которыя прежде считались пагубными, раждаетъ нынѣ диво за дивомъ. Воспаленіе пороковъ произвело болѣе героическихъ дѣлъ, нежели древнія добродѣтели. Успѣхи человѣческаго разума, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ, чрезвычайны; всѣ старыя навыки теперь бесполезны; всѣ старыя пословицы смѣшны. Лицпература, которая питала нѣкогда духъ и сердце, стала одною забавою и пріятнымъ обманомъ. На что намъ языкъ Грековъ и Римлянъ, когда у насъ совсѣмъ другія идеи, другіе нравы и правила? Счетъ и мѣра составляютъ нашу Энциклопедію; художества, полезныя для войны и торговли, должны быть единственными предметомъ нашего воспитанія.

Торговля сближаетъ людей, война раздѣляетъ ихъ. Торговля умножаетъ богатство, война испребляетъ его. Торговля есть источникъ жизни, война торжество смерти. Однакожь и та и другая имѣютъ вліяніе на общество, подобно какъ доброй и злой Геніи Зороастровы дѣйствуютъ на правленіе мѣра; обѣ соединя-

ются и взаимно служатъ подпорою одна для другой. Торговля рождаеиъ войну: война пріобрѣшеніями и распространяеиъ торговлю. Люди дерутся, чтобы удовлетворяиъ нуждамъ челоѳчества. Съ того времени, какъ роскошь удивительнымъ образомъ умножила сїи нужды, внѣшняя торговля сдѣлалась первою необходимосїю, а пропитаніе людей весьма трудною и сложною наукою. Не довольно того, что наши равнины покрыты скирдами, холмы виноградомъ, луга спадами: мы уже не можемъ довольствоваться своею пенькою, шерстью, хлѣбомъ и спадами своими. Нѣтъ, непременно надобно ѳхать вдаль за нашими потребностями. Должно привести сахаръ изъ Америки, кофе изъ Аравїи, чай изъ Кипая, шелкъ и хлопчатую бумагу изъ Индїи, перецъ съ Молукскихъ острововъ, корицу изъ Цейлона.

Хотя бы мы, слѣдуя совѣту древнихъ Философовъ, и рѣшились быиъ добродѣтельными, пожертвовать опечеству своимъ прихотями и питаться единственно произведеніями нашей земли; но и тогда бы одна половина общества должна была продаватиъ другой половинѣ сїи чужестранныя произведенія, ибо ей нечѣмъ жииъ безъ него. Намъ должно или

оплачивать золото свое чужимъ мореплавателямъ, чтобы они привозили намъ сіи вещи, или имѣть свои Колоніи, чтобы мѣняться съ ними товарами.

И такъ не даромъ все нынѣшніе умы обращены на торговлю, и не даромъ вся Философія состоитъ теперь въ Коммерціи. Трактаты о воздержаніи, безкорыстїи, умеренности въ жизни, и сатиры на роскошь, на забавы и сластолюбіе, будутъ теперь не кспати, смѣшны и даже прошивны блугу общества. Когда человекъ умираетъ отъ жажды, то не время доказывать ему, что онъ напрасно хочетъ пить, а надобно подать ему воды. Первый законъ Государства есть: *существовать* — что для новыхъ, въ роскоши погруженныхъ Государствъ, не возможно безъ цвѣтущей торговли!

Изъ Journal de Paris.

II.

Когда онъ возвратится?

Прогуливаясь недавно въ окрестностяхъ Парижа, я встрѣпился съ моимъ прїателемъ Н., который предложилъ мнѣ итти вмѣстѣ къ одному пуспыннику,

игравшему нѣкогда въ свѣтѣ важную ролью. Мы шли нѣсколько часовъ по узенькой тропинкѣ, черезъ лѣсъ и луга; наконецъ увидѣли между двухъ холмовъ, покрытыхъ ильмами и березами, маленькую зеленую бесѣдку, осѣненную деревьями, на берегу быстраго ручейка. Будучи въ семь уединенномъ и дикомъ мѣстѣ, я съ трудомъ могъ увѣрить себя, что Парижъ отъ насъ не далеко. Бесѣдка не окружена ни рвами, ни стѣною. Кажется, что хозяинъ ея не читалъ исторіи Европейскихъ народовъ, и вѣритъ общей добродѣтели людей.

Старикъ лѣтъ семидесяти-пяти, пожилая женщина и собака, живутъ одни въ семь философскомъ домикѣ.

Насъ приняли съ искреннею учтиво-спію, свойственною человѣку, копорой прожилъ вѣкъ въ изобиліи и въ большомъ свѣтѣ, и копорой, будучи на краю могилы, говоритъ только, что смъ думаетъ и чувствуетъ. Нѣсколько креселъ довольно хорошихъ, прекрасныхъ картинъ, эстамповъ и книгъ, составляющъ все богатство эрмишажа. На дверяхъ написано: *Gratias tibi ago, fortuna, quae me cogis philosophari.* Эта надпись хороша, сказалъ я, естли бы воры разумѣли Латинской языкъ и любили читать. — Однакожъ они все раз-

вѣдываютъ прежде своего посѣщенія, отвѣчалъ товарищъ мой: сосѣдамъ же извѣстно, что въ зеленой бесѣдкѣ нѣтъ ничего, кромѣ книгъ и ежедневнаго запаса для хозяина, которой живетъ по строгимъ правиламъ мудраго Пинеагора.

Подлѣ домика есть маленькой садикъ, гдѣ Философъ разводитъ свои любимыя растенія (ибо у всякаго человѣка свой вкусъ въ Ботаникѣ), а въ кабинетѣ лежитъ *травникъ* (herbier), въ которомъ онъ хранитъ собираемые имъ въ полѣ цвѣты и травы. Ботаника есть любезная наука для всякаго возраста. Зрѣлище Природы служитъ наградою за бѣдствія гражданской жизни и несправедливоспъ рока.

Я опишу опчасти разговоръ нашъ съ хозяиномъ, какъ могу вспомнить. Мнѣ не позволено наименовать его; но скоро, можетъ быть, узнаютъ, кто онъ, и всякой удивится, что Парижъ совершенно забылъ человѣка, нѣкогда столь извѣстнаго.

„Уже девять лѣтъ тому, какъ я „опъ добраго сердца простился съ надеж- „дою и фортуною: *Spes et fortuna valete.* „Первая обѣщаетъ и обманываетъ; впо- „рая смѣется надъ нами въ самыхъ своихъ „благотвореніяхъ. Я скрылся въ то время, „когда мои соотечественники начали свои

„опыты. Мнѣ не нравятся системапиче-
 „скіе Медики, которые любопытствуютъ
 „видѣнь на больномъ дѣйствіе новыхъ
 „лекарствъ, и сравниваю съ ними новыхъ
 „Полишиковъ, которые испытываютъ
 „теоріи свои на гражданскомъ обществѣ.
 „Знаю, что многіе опыты производятъ
 „наконецъ нѣкоторыя хорошія слѣдствія
 „послѣ тысячи горестныхъ; но самъ не
 „желая быть въ числѣ жертвъ, не могъ
 „по справедливости и другими жертвовать.
 „Я былъ, какъ говорятъ, щасливцемъ
 „своего времени: Посломъ великаго Монарха,
 „богачемъ, Авторомъ, болѣе славнымъ,
 „нежели искуснымъ, какъ то всегда бы-
 „вало съ моими собратьями: потому что
 „одна природа и ученье дають искусство,
 „а слава бываетъ часто слѣдствіемъ
 „знатности и проницства.

„Я жилъ съ людьми всѣхъ Религій,
 „и видѣлъ, что во всякой люди могутъ
 „быть добрыми; вѣрилъ всегда Бо-
 „гу, потому что нѣтъ дѣйствія безъ
 „причины, и молюсь Ему не по Лапинской,
 „не по Арабской книгѣ, а изъ глубины
 „моего сердца, думая, что чувство лучше
 „всякаго языка.

„Я былъ коротко знакомъ съ безмер-
 „нымъ Авторомъ Заиры. Излишняя лю-
 „бовь ко славіи и холодность сердца уда-

„или его отъ счастья. Онъ служилъ для
 „меня великимъ примѣромъ въ Морали :
 „черезъ него узналъ я, что ласка форшуны
 „и дары природы не могутъ еще сдѣлать
 „насъ благополучными. Онъ хотѣлъ слѣ-
 „довать правилу одного Лапшинскаго Авто-
 „ра : *счастливъ тотъ, кому непріатели*
 „*завидуютъ!* но излишняя авторская сует-
 „ность его давала много власпи надъ
 „нимъ врагамъ просвѣщенія и славы.“

Старецъ говорилъ намъ еще о поро-
 кахъ и низкомъ корыстолюбіи прежнихъ
 царедворцевъ, о гоненіи, претерпѣнномъ
 его родственниками и друзьями во время
 Революціи, и проч. и проч. Но онъ го-
 ворилъ безъ сердца, съ равнодушіемъ,
 и видѣлъ во всемъ одно необходимое дѣй-
 ствіе нѣкоторыхъ причинъ, подобное не-
 обходимому дѣйствію временъ года.

Мы уговаривали старца возвратиться
 въ свѣтъ, старались всѣми способами
 убѣдить его, и представили глазамъ его
 упренную зарю давно - обѣщаннаго намъ
 блаженства. Опечесство ему любезно. Я
 описывалъ благоденствіе мира, двѣтъ на-
 укъ и художествъ, ободреніе талантовъ,
 возрожденіе торговли, истинную свободу,
 которая заступила мѣсто необузданности,
 царство законовъ, раскаяніе Французовъ,
 шоржесство человѣчества... Онъ колебался;

слезы показались въ глазахъ его. Мы думали, что побѣда близка... Но вдругъ онъ ушелъ въ другую комнату; черезъ нѣсколько минушъ возвратился, и подавая намъ листъ бумаги, сказалъ: „Я готовъ слѣдовать за вами, естли вы можете разрѣшить мои сомнѣнїя, на этой бумагѣ изображенныя. Будьте только чиспосердечны. Трудно обманушъ спарика. Спекло, которое украшаетъ всѣ предметы, естли игрушка молодости; лѣша разбила его въ рукахъ моихъ. Я долго былъ молодъ; но время мечтанїй прошло, и вещи кажутся мнѣ въ подлинномъ своемъ видѣ.“

Я развернулъ бумагу, и съ живымъ любопытствомъ читалъ слѣдующее:

„Въ мое время знашныя были горды и жестокосерды. Естли ли и нынѣ знашныя? и новыя похожи ли на старыхъ?“

„Я повиновался людямъ и терпѣлъ отъ ихъ прихотей: возвращаясь въ общество, точно ли однимъ законамъ буду повиноваться?“

Раздоры въ Религїи оскорбляли меня. „Согласились ли умы въ важнѣйшемъ предметѣ для человѣчества? не слышно ли и нынѣ адскихъ проклятїй за различное мнѣнїе о способахъ угождать Бо- жеству?“

„Желчь изливается ли и нынѣ въ
 „произведеніяхъ ума? Ссорятся ли Авто-
 „ры? и поле Липпературы не есѣ ли по
 „прежнему сцена Гладіаторовъ?

„Могу ли сказать человѣку, копорой
 „представляетъ въ себѣ рѣдкое соединеніе
 „талантовъ съ добродѣтелію: не раздѣляй
 „ихъ никогда; уже прошли тѣ времена,
 „въ которыя талантъ былъ нигто безъ
 „хитраго исканія?

„Въ обществѣ, въ которое меня при-
 „зываете, занимаются ли женщины до-
 „машнею жизнью, а мужчины полезными
 „трудоу?

„Не увижу ли опять, что Писатели
 „и судьи проповѣдуютъ одно, а сами дѣ-
 „лаютъ другое?

„Не богатство ли бываетъ мѣрою
 „уваженія людей въ свѣтѣ? и не уважа-
 „ютъ ли того въ обществѣ, кого въ душѣ
 „презираютъ?“

Пропускаю еще шесть или семь сотъ
 вопросовъ, равно затруднительныхъ.

Мы оставили въ покоѣ спарца, и воз-
 вращаясь въ Парижъ, нѣсколько разъ гово-
 рили другъ другу: *когда, когда онъ воз-
 вратится?*

Изъ Décade.

О дикомъ челоѣкѣ въ Парижѣ.

Всѣ журналы говорили о дикомъ мальчикѣ, найденномъ въ лѣсахъ Каннскихъ, и привезенномъ въ Парижъ Профессоромъ Бонаперомъ. Любопытные спѣшили видѣшь его; но крайне удивились, нашедши въ немъ, по ихъ словамъ, *деревяннаго челоѣка*, которой не показывалъ ни малѣйшаго вниманія, ни на что не смотрѣлъ, ничего не слушалъ, не имѣлъ никакого понятія — и любопытство скоро охладѣло.

Между тѣмъ и *духъ системы* произнесъ строгое свое рѣшеніе. Люди, которые въ уединенномъ челоѣкѣ находятъ истиннаго челоѣка природы, счишаютъ дикое его состояніе не только первобытнымъ, но и совершеннѣйшимъ, а гражданскую общественность развратомъ. Сіи Философы разсердились, что дикой челоѣкѣ столь глупъ и непривлекателенъ, и бытіемъ своимъ опровергаетъ ихъ гипотезу. Къ упѣшенію своему они положили, что сей мальчикъ родился безумнымъ отъ недостатка какихъ нибудь физическихъ органовъ или моральныхъ способностей.

Легкіе умы подтвердили сіе рѣшеніе, „Дикой человѣкъ кажется безумнымъ: слѣдственно онъ безумной“ — такова была ихъ Логика!

Даже и нѣкоторые просвѣщенные люди приняли сіе мнѣніе. Докторъ Пинель, копорой излечилъ многихъ сумасшедшихъ, съ величайшимъ вниманіемъ разсмапривалъ физическое и моральное состояніе дикаго найденыша, сравнивалъ его съ другими безумными дѣвными, нашель сходство, и заключилъ, что онъ самую природою осужденъ на безуміе.

Но другіе осторожные Философы не хотѣли согласишься на такой жестокой приговоръ, думая, что однѣ моральныя причины, безъ всякаго физическаго недоспапка, могли произвести дѣйствіе безумія; что долговременное уединеніе и скопская жизнь должны были непремѣнно погасить душевныя способности во младенцѣ, не имѣвшемъ никакого предварительнаго моральнаго воспитанія, и сдѣлать его невнимательнымъ ко внѣшнимъ предметамъ. Они подтверждали свое мнѣніе всѣми наблюденіями, доказывающими какъ вліяніе общественной жизни на развитіе душевныхъ способностей, такъ и связь идей съ нуждами человѣка. Имъ казалось, что

мудрое искусство можетъ еще возбудить спящій умъ дикаго.

Они означили и лучшую методу для успѣха, и слѣдуя Локку, Кондильяку, Боннешу, говорили, что прежде соображенія идей въ головѣ дикаго, надлежитъ произвести ихъ; чтобы ихъ произвести, должно возбудить его вниманіе; а единственнымъ способомъ къ тому могутъ служить его нужды. Какъ ему понять знаки, когда онъ не имѣлъ ни одной изъ выражаемыхъ ими мыслей, когда ничто не заставляло его примѣчать ихъ? И такъ надлежало дѣйствовать на чувствительность дикаго, чтобы прервать его вседневное усыпленіе, которое могло быть въ немъ слѣдствіемъ совершеннаго равнодушія къ сему новому и чуждому для него міру.

Человѣколюбіе согласно было съ ихъ мнѣніемъ, и найденыша опдали на руки искусному Медіку природно - глухихъ и нѣмыхъ, гражданину Ишару, чтобы онъ испыталъ надъ нимъ все извѣстныя ему физическія и моральныя средства.

Съ сердечною радостію уведомляю Публику, что надежда Философовъ исполняется, и ревность человѣколюбія получаетъ свою награду. Въ короткое время Г. Ишаръ произвелъ удивительныя дѣй-

ствія. Я видѣлъ ихъ собственными глазами. Прежде всего онъ старался умножить потребности своего питомца, и овладѣвъ его вниманіемъ въ топъ самой мигъ, когда онъ обнаруживались. Метода его была слѣдующая: —

Осязаніе дикаго казалось мертвымъ: онъ не чувствовалъ ни холода, ни жара; обоняніе и вкусъ были въ такомъ же усыпленіи. Частыя теплыя бани размягчили его нервы; радость и досады, нарочно въ немъ возбуждаемыя, также способствовали успѣхамъ чувствительности. Скоро осязаніе его сдѣлалось нѣжно, вкусъ разборчивъ; выбирая лучшее, онъ слѣдуетъ своему обонянію.

Глаза дикаго были безъ дѣйствія; онъ конечно *видѣлъ*, но не *смотрѣлъ*. Шумъ и спукъ не прогали его; исполешной выспрѣлъ надъ ухомъ не заставлялъ его оборониться. Другой заключилъ бы, что онъ глухъ; но Г. Ишаръ зналъ, что *слышать* не есть *слушать*; что дикой не примѣчаетъ звука, не имѣя нужды примѣчать его. Въ сей истинѣ онъ увѣрился еще болѣе, видя, какъ его питомецъ поднималъ голову, когда за дверью грызли орѣхи, или спучали замкомъ. Медккъ положилъ дѣйствовать на слухъ и на глаза его такими предметами, которые

находятся въ связи съ его нуждами, и совершенный успѣхъ оправдалъ сію остроумную методу.

Новыя потребности рождали въ дикомъ новыя привычки. Пища, одежда, сонъ, гулянье, ежедневно умножали его зависимость отъ другихъ людей, и произвели въ немъ моральныя склонности. Онъ полюбилъ съ горячностью свою надзирательницу, и ласкалъ Доктора. Мысли его размножились и приходили въ связь. Каждая забава служила ему наставленіемъ. Его пріучили сравнивать, сближать предметы съ ихъ образомъ, — дѣйствовать разсудкомъ и памяшью. Ипаръ думалъ открыть ему значеніе буквъ тѣмъ способомъ, который употребляется въ школахъ нѣмыхъ; но есть, онъ писалъ имя предмета вокругъ его изображенія, и послѣ спираль образъ, надвѣясь черезъ него соединить имя съ воспоминаніемъ предмета; но этотъ способъ не удался. Я не могу описать здѣсь глубокомысленныхъ примѣчаній Медика на сей случай, и всѣхъ удивительныхъ способовъ, черезъ которые онъ *миновалъ* неизмѣримое просіранство, оидѣляющее въ испорти язка живопись вещей отъ ихъ условнаго изображенія буквами; могу только предложить ихъ дѣйствіе: Дикой пишомецъ

знаеть те перь всю азбуку, и произнося слова: *молоко, суль*, пишеть ихъ буквами со всюю точностию; ежедневно узнаеть названія вещей, но единственнo тѣхъ, въ которыхъ имѣеть нужду; можетъ уже сообщаться съ нами; владетъ нами условными знаками — однимъ словомъ, онъ пересупилъ границу, и стоить на одной землѣ съ нами.

Дежерандо ()*. —

IV.

Свадебный контрактъ.

Къ одному изъ нашихъ старыхъ Юри-консульсовъ, извѣстному по его знаніямъ, честиности и любезнымъ свойствамъ, пришли на сихъ дняхъ прекрасной молодой человекъ, лѣтъ двадцати-пяти, и прелестная дѣвушка, лѣтъ осьмнадцати; они сказали, что хотять поговорить съ нимъ о дѣлѣ.

Онъ посадилъ ихъ, и желалъ знать дѣло. — „Я Берсель, сынъ стариннаго друга вашего.“ — Берсель! . . . какъ я радъ!! Обними меня, любезной молодой человекъ!!

(*) Первый нынѣшній Метифизикъ въ Парижѣ.

Дружба моя съ оицемъ своимъ старѣе тебя. Лѣшь приданъшъ тому, какъ я писалъ свадебный контрактъ его. Здоровъ ли онъ? — „Слава Богу! Только подагра остановила его въ Дижонѣ. Не можеше ли пеперь заступить его мѣсто, и подашъ мнѣ доброй совѣтъ? Я пребую такой же услуги, какую вы ему за приданъшъ лѣшь передъ симъ оказали. Вопъ моя невѣста.“

Дѣвушка попутила глаза въ землю; щеки ея покрылись алымъ румянцемъ.

„Хорошо, хорошо! сказалъ добродушной Адвокатъ: я къ вашимъ услугамъ. Присупимъ къ дѣлу. Сколько приданаго? какія условія?“ — Приданаго? условія? сказалъ съ удивленіемъ Берсель: дѣло идетъ о свадьбѣ. Мы не покупаемъ, а любимъ другъ друга, и хопимъ жить вмѣстѣ. — „На что же вамъ Адвокатъ, ешьли вы не хопите законнаго свидѣтельсства для условій? За чѣмъ пишашъ контрактъ?“ — Въ самомъ дѣлѣ мы могли бы обойтись безъ эпова. Позвольте мнѣ, милоспивый государь, говорить съ вами искренно. Я кришелъ къ вамъ, исполняя волю моего родителя, которой велѣлъ мнѣ просить васъ о написаніи контракта. Что принадлежишь до меня, но я не считалъ нужнымъ такого обряда. Никпо лучше насъ не можешъ знашъ, на какихъ условіяхъ

мы соединяемся бракомъ. Скажу вамъ, что нашъ конпрактъ ему написанъ, и что мы желаемъ только показать его вамъ. — „Ты самъ написалъ его?“ — Самъ. — „Слѣдственно знаешь законы? разумѣешь приказной порядокъ?“ — Ни мало. Это не мое дѣло: я пипографщикъ. — „Какъ же ты могъ за это взяться?“ — Вы еще болѣе удивитесь: въ нашемъ конпрактѣ нѣкопорыя спашьи написаны моею невѣспою. Справедливость пребовала, чтобы и она въ немъ участвовала. Коротко сказать, шутъ нѣтъ почти ни слова объ имуществѣ; шутъ дѣло идетъ о соединеніи двухъ сердецъ, которыя любятъ другъ друга; о любовникахъ, которые вступающъ въ вѣчной союзъ. Мы уже читали наши условія почтенной Софїиной матери; она довольна ими. Мнѣ по слуху извѣстно ваше доброе сердце, милоспивый государь, и я напередъ увѣренъ, что вы ихъ также одобрите; надѣюсь даже, что уговорите и батюшку не писать другаго конпракта.

Адвокатъ сперва удивился; потомъ внутренно одобрилъ мысли любезнаго молодого человѣка, и любопытствуя знать ихъ въ подробности, взялъ на себя видъ сомнѣнїя. — „Посмотримъ, посмотримъ эшошъ чудной конпрактъ!“ сказалъ онъ:

„не уже ли шупъ нѣтъ ни слова объ исключеніи: долговъ, въ которые вошли женихъ и невѣста. прежде свадьбы; о движимомъ и недвижимомъ имѣніи; о спилулаціи, о клаузахъ и разныхъ казулахъ?„ ... Ахъ! ради Бога (перервалъ Берсель), избавьте насъ отъ варварскихъ словъ, копорыхъ мы не разумѣемъ! Всѣ такія предосторожности и мѣры, копорыя топчасъ при соединеніи двухъ фамилій показываютъ ихъ взаимную и обидную недовѣрчивость, могутъ ли отвратить споръ, обманы и тяжбы? Напротивъ того я слыхалъ, что

*Понеже, въ силу, велику,
Творять довольно въ свѣтѣ зла.*

Мы постараемся жить мирно съ Софіею. Судите о нашихъ мѣрахъ и предосторожностяхъ. Вотъ контрактъ. — Онъ подаль. Адвокашу слѣдующія статьи:

Статья I.

„Любя другъ друга сердечно и давно,
„и будучи увѣрены, что у насъ можешь
„быть только одно счастье въ свѣтѣ, мы
„соединяемся вѣчнымъ союзомъ, чтобы
„жить вмѣстѣ, какъ прилично нѣжнымъ
„супругамъ и добрымъ дѣтямъ опечесива.
„Она будетъ я, я буду она; онъ будетъ
„я, я буду онъ.

Статья II.

„Обѣщаю Софіи посвящать всѣ мои мысли, труды и попеченія, на то, что бы она и будущія дѣти наши могли жить честно и приспойно.“

Статья III.

„Обѣщаюсь вмѣстѣ съ Эмилемъ способствовать нашему безнужному пропитанію, или моими трудами, или бережливостію и хозяйствомъ въ разсужденіи нашихъ небольшихъ доходовъ и плодовъ его работы.“

Статья IV.

„Спѣшу признаться, что бываю иногда горячъ и вспыльчивъ; прошу извинять первое движеніе сердца моего.“

(Рукою невѣсты: *Можетъ быть съ горемъ; но . . . такъ и быть!*.)

Статья V.

„И мнѣ нужно швое снисхожденіе. И я бываю не всегда въ хорошемъ расположеніи. Чувствую также, что могу быть ревнива.“

(Рукою жениха: *Соглашусь на нѣкоторыя минуты досады, упрямства, въ надеждѣ, что онѣ будутъ рѣдки; что принадлежитъ до другаго порока, то я почти радъ ему. Жена, которая немного ревнива, безъ сомнѣнія не подастъ мужу причины быть ревнивымъ.*.)

С т а т ь я VI.

„Мы увѣрены, что между людьми, „которые милы другъ другу, споры и „досады происходятъ всегда отъ бездѣлицъ; „и для того обязываемся во всѣхъ такихъ „неважныхъ случаяхъ оппказываться отъ „собственнаго мнѣнія; женѣ скорѣе дол- „жно исполнять волю мужа, а мужу во- „лю жены.“

(Рукою невѣсны: *Въ важныхъ случаяхъ
ему надобно рѣшить; потому что
онъ разсудительнѣе и знающѣе меня.*)

С т а т ь я VII.

„Въ слѣдствіе послѣдней статьи „я буду одѣваться, какъ захочетъ „Эмиль.“ — — „А я, какъ велитъ Софія.“

Хорошо, хорошо! сказалъ Адвокатъ: „слѣдя этому правилу, мужъ будетъ одѣтъ опрятно; а жена, спараясь нравиться одному мужу, не спанетъ излишно щеголять.)

С т а т ь я VIII.

„Слова: *хогу, требую, непремѣнно,* „и другія тому подобныя, исключаются „изъ нашего лексикона.

С т а т ь я IX.

„Софія при другихъ людяхъ никогда „не покажетъ знаковъ непочтенія къ су- „ругу. Главнымъ ободреніемъ для иска-

„шелей и Селадоновъ бываетъ презрѣнїе,
 „которое жена въ какомъ нибудь случаѣ
 „оказываетъ къ мужу.“

Машушка напрасно прибавила эту
 спашью, сказала невѣста. — И слѣду-
 ющую, примолвилъ женихъ.

Статья X.

„Эмиль будетъ почитать жену свою
 „(чтобы другіе почитали ее) и оказывать
 „къ ней довѣренность. Никогда, а особливо
 „въ ея присутствїи, не отдастъ онъ
 „преимущества другой женщинѣ, въ чемъ
 „бы то ни было.

Статья XI.

„Никогда не забудемъ, что небре-
 „женїе и неоправданность можетъ произ-
 „вести отвращенїе. Число въ разсуж-
 „денїи шѣла есть по же, что любезность
 „въ разсужденїи души; и пою и другою
 „человѣкъ правится.

Статья XII.

„Почти всѣ женщины сами кормятъ
 „нынѣ дѣтей своихъ и за ними ходятъ.
 „Надѣюсь, что Эмиль позволитъ мнѣ
 „исполнить должность маперї.“

(Рукою жениха: *Я хотѣлъ этого требо-
 вать.*)

Статья XIII.

„Софія постарается, чтобы умѣдѣшей нашихъ во младенчествѣ не былъ испорченъ, и чтобы имъ никогда не говорили вѣхъ глупостей, копорыя на всю жизнь оставляютъ въ головѣ ложныя идеи, или въ сердцѣ опасныя впечатлѣнія.“

(На полѣ: *Это будетъ важнѣйшимъ момѣнъ попеченіемъ.*)

Статья XIV.

„Чтобы наблюдать лучшія правила воспитанія, Эмиль долженъ мнѣ предписать ихъ. Я уже многое заняла изъ его разговоровъ. Надѣюсь, что онъ довершитъ свое дѣло. Мои знанія обращаются въ пользу милыхъ его.“

(На полѣ: *Самый лучший наставникъ для Софіи есть природный умъ ея.*)

Статья XV.

„Хотя и надѣмся, что не нарушимъ сихъ условій; однакожь сплшемъ ихъ другъ для друга — и естли покажемся, что которое нибудь забыло однимъ изъ насъ, по другой долженъ напомнить ему и показать списокъ.“

Я вижу конецъ, сказалъ Авдокапъ, и не надцель еще ни слова сбъ имѣнія;

это во всякомъ случаѣ нужно. — „Есть, есть“, отвѣчалъ Эмиль: „я не забылъ того, что вы считаете важнымъ. Прочитайте нашу послѣднюю статью; она вся посвящена деньгамъ, и думаю, что въ ней говорится объ этомъ предметѣ, какъ должно.“ — Увидимъ, сказалъ Адвокатъ.

Статья XVI и послѣдняя.

„Что принадлежитъ одному, по принадлежности и другому. Не спомнишь труда, да означать, что мы приносимъ другъ другу, когда у насъ все общее.“

Подписано — отъ всего моего сердца:
Эмиль Берселеъ.

Навѣки: *Софія,*
будущая жена Берселева.

Юрисконсультъ былъ пронутъ до слезъ, но продолжалъ свои умышленныя возраженія. „Вы всего не предвидѣли“, сказалъ онъ: „если вздумаете развестись, если кто нибудь изъ васъ умретъ, что въ такомъ случаѣ быть должно? какія ваши условія?“ — Правда, что это не приходило намъ на умъ. — „Но мнѣ должно предвидѣть всѣ возможные случаи. Ты, другъ мой, не писывалъ контрактовъ; а я написалъ ихъ нѣсколько тысячъ; и во

всякомъ десятъ разъ повторається: *тотъ, кто переживетъ.*“ — Переживетъ! . . . Боже мой! какъ можно думать! . . . Нѣтъ, мы не переживемъ другъ друга. — „По крайней мѣрѣ я за себя отвѣчаю.“ сказала невѣста, и закрыла рукою глаза свои, изъ кошорыхъ капали слезы.

Нѣтъ! продолжалъ молодой человекъ: я не понимаю сердца тѣхъ людей, которые въ минуту соединенія предвидятъ шакія возможности; въ минуту щастя думаютъ уже о нещасьи или о преступленіи, безъ котораго не лзя вообразить, развода! И на что? Развѣ нѣтъ законовъ, которые безъ сомнѣнія мудрѣ насъ? Законы составляютъ Провидѣніе гражданскаго общества; во всякомъ случаѣ должно на нихъ положиться.

„Ты чувствительной, любезной человекъ!“ сказалъ Адвокатъ, обнимая его: „я нарочно прошиворѣчилъ тебѣ, чтобы вывѣдашь всѣ твои мысли, любезныя мнѣ и всякому доброму сердцу! Послушайте, друзья моя: требую непременно, чтобы вы позволили мнѣ быть свидѣтелемъ вашего брака, которой безъ сомнѣнія будетъ щасливъ. Добрай Эмиль! я беру на себя уговорить отца твоего, чтобы онъ согласился на нашъ контрактъ, и сверхъ того самъ опнесу эту бумагу къ Ношаріусу;

чтобы онъ скрѣтилъ ее, въ примѣръ и въ память для другихъ, и могъ бы похвалиться, что хотя одинъ разъ въ жизни удалось ему вписать въ свою книгу истинной свадебной коншракты.

(Съ Француз.)

V.

Вольтеръ и Лекенъ.

Сынъ славнаго актера Лекена недавно издалъ примѣчанія и записки отца своего. Въ нихъ много любопытныхъ анекдотовъ о Вольтерѣ, нѣсколько писемъ его, стихотворца Колардо, Принца Генриха, и шесть или семь рѣчей, произнесенныхъ на театрѣ Лекенемъ при разныхъ случаяхъ. Онѣ доказываютъ, что онъ былъ не только первой актеръ трагической сцены, но и пріятной, умной, любезной человѣкъ. Извѣстно, что Природа весьма не щедро одарила его: Лекенъ былъ толстъ, дуренъ лицомъ, и голосъ имѣлъ сиповатой; но посредствомъ ученя и трудовъ удалась ему исправить нашуру, и такъ, что женщины, видя его въ роль Магомета и Оросмана, кричали: *ахъ! онъ красавецъ!* Это было посредствомъ Искусства.

Вольперъ заставилъ Французскихъ актеровъ принять Лекена и способствовалъ славу его. Мы выпишемъ здѣсь неизвѣстной анекдотъ, которой до нихъ обоимъ касается. Самъ Лекенъ рассказываетъ :

„Скоро послѣ первыхъ представлений Китайскаго Сироты (трагедіи Вольперовой) похвалъ я въ Ферней. Журналы чрезвычайно хвалили сіе новое сочиненіе; но Вольперъ желалъ знать всѣ особыя обстоятельства, о которыхъ Журналисты не могли говорить. Я рассказалъ ему подробно о всѣхъ знакахъ и доказательствахъ воспора, съ которыми принята была его трагедія.

„Поговоривъ о важнѣйшихъ и протельнѣйшихъ сценахъ, онъ захотѣлъ, чтобы я сыгралъ передъ нимъ свою роль. Мнѣ пріятно было исполнить волю его, въ надеждѣ воспользоваться его наставленіемъ. Надежда не обманула меня; но я дорого заплатилъ за этотъ урокъ.

„На другой день собрался нашъ Фернейской Комитетъ. Оживляемый присутствіемъ окружающихъ меня, я началъ играть свою роль съ жаромъ и со всею Тапарскою жестокостію, которая нравилась Парижской публикѣ; но живость игры не мѣшала мнѣ сморщиться на Вольпера, чтобы видѣть ея дѣйствіе на лицѣ

его. Въспло удовольствія, видѣ его изображалъ досаду; она постепенно увеличивалась, и скоро превратилась въ самую ярость, которая, преодолевъ наконецъ его терпѣнїе, излилась ужаснѣйшимъ образомъ. „Стой!“, закричалъ онъ мнѣ: „спой! Злодѣй убиваетъ меня, рѣжетъ!“ . . . При сихъ словахъ, сказанныхъ имъ съ обыкновенною его выразительностію, всѣ наши зрители вскочили; окружили его, и старались успокоить; но гнѣвъ его пылалъ, и ничто не могло погасить сего волкана. Наконецъ онъ ушелъ, и заперся въ своей комнатѣ.

„Послѣ такой ужасной для меня сцены, будучи внѣ себя отъ стыда, я рѣшился на другой же день ѣхать изъ Фернея, и объявилъ свое намѣреніе госпожѣ Денисъ; ея возраженія не могли поколебать меня. Однакожъ я просилъ у Вольпера дозволенія видѣть его. „Пусть придетъ, еслили хочетъ!“ отвѣчалъ онъ. Такой отвѣтъ былъ не очень ласковъ; однакожъ я пошелъ. Мы были одни. Я сказалъ ему о своемъ отъѣздѣ, извѣщая сожалѣнїе, что не умѣлъ заслужить его одобренія въ ролѣ моей, и примолвивъ, что съ благодарностію принялъ бы его наставленіе. Казалось, что мои слова смягчили его. Онъ взялъ трагедію — и

съ самой первой сцены я почувствовалъ свою великую ошибку въ игрѣ.

„Напрасно хотѣлъ бы я описать то глубокое впечатлѣнiе, которое Волтеръ произвелъ въ душѣ моей, изображая страстнымъ, разительнымъ, важнымъ пономъ всѣ оипѣнки Ченгисъ-Хановой роли! Онъ уже кончалъ, а я все еще слушалъ, безмолвствуя отъ удивленiя!... Черезъ минуту сказалъ онъ мнѣ слабымъ, упомянутымъ голосомъ: „любезной другъ! понимаешь ли теперь характеръ роли своей?“ — Кажется, отвѣчалъ я: завтра въ рѣшипе. — Тутъ я снова принялся за работу — и лестная, жаркая похвала его была наградою трудовъ моихъ. Признаюсь, что я сердечно веселился, возбуждая въ немъ самыя тѣ чувства, которыя онъ произвелъ во мнѣ. Всѣ изображаемыя мною страсти являлись постепенно въ глазахъ его. Знаки Вольперовой дружбы были столь же прогашельны, сколь досада его была ужасна; и я выѣхалъ изъ Фернея въ полномъ удовольствiи, радуясь прiобрѣтенными мною познанiями для изображенiя великаго и прекраснаго характера Ченгисъ - Ханова.

„По возвращенiи въ Парижъ я снова игралъ эту роль. Одна Актриса, которая замѣтила прежнюю мою ошибку, не могла

скрышь своего удивленія, и многимъ людямъ говорила: „видно, что онъ прѣхалъ изъ Фернея!“. Не входя въ причину такой похвалы, я чрезмѣрно ею радовался.

VI.

Письмо Дона Иоаквино Гарсиа, Губернатора Гишпанскихъ владѣній на островѣ С. Доминго, къ Президенту Соединенныхъ Областей Америки ().*

Государь мой!

Человѣколюбіе есть свойство великихъ душъ. Офицеръ вашей службы показалъ прогашельный примѣръ онаго, такимъ дѣломъ, которое заслуживаетъ живѣйшую благодарность какъ собственно отъ меня, такъ и отъ лица своей Гишпанской націи.

Двѣ благородныя фамиліи, въ числѣ которыхъ было много дѣтей и женщинъ, отправились отсюда въ Порто-Рико. Незнаніе Датскаго Капитана, Хриспіана Гранеманса, привело корабль ихъ, близъ острова Саоны, въ бѣдственное положеніе. Буря занесла ихъ въ самое опасное мѣсто.

(*) Сіе письмо было обнародовано Американскимъ Правительствомъ въ новомъ городѣ Вашингтонѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго году.

Жестокосердый Дашчанинъ, думая только о спасеніи себя и своего имѣнія, уѣхалъ въ шлюпкѣ на островъ и предалъ несчастныхъ въ жертву волнамъ и почти вѣрной смерти.

Въ семь сосвоеніи увидѣлъ ихъ Чарльсъ Спюартъ, Капитанъ вооруженнаго корабля, называемаго Экспериментомъ, и забывъ собственную опасность свою, спѣшилъ спасти невинныхъ младенцевъ и женщинъ, которыя, стоя на палубѣ, подымали руки къ небу. Его желаніе исполнилось: онъ спасъ несчастныхъ — и черезъ нѣсколько минутъ корабль ихъ былъ поглощенъ волнами.

Среди прогашельныхъ слезъ и сердечныхъ благословеній сей досшойный Офицеръ думалъ о наказаніи безчестнаго Гранеманса, которой спряшался на вершинѣ Сарнской горы. Онъ нашелъ его, и хотѣлъ поступить съ нимъ какъ должно; но великодушныя женщины испросили ему помилованіе. Капитанъ Спюартъ прислалъ его ко мнѣ.

Сей Американской Офицеръ обходился съ Дамами весьма учтиво, опдалъ имъ свою каюту, служилъ споломъ своимъ и спарался всѣми способами одолжать ихъ.

Онѣ сами просили меня писать къ вамъ, изобразить всѣ обстоятельствова

сего великодушнаго дѣла, и торжественно увѣришь Американскую націю въ вѣчной ихъ благодарности.

Изъявляю при помѣ и мою благодарность *Вашему Превосходительству*, со всею искренностию, свойственной моему характеру, равно какъ и признательность моей націи, и всѣхъ, которые слышали о семъ великодушномъ поступкѣ, достойномъ просвѣщеннаго народа и Офицера Соединенныхъ Обласпей. Поспавляю себѣ за непремѣнную должность, къ чести Капитана Сшюарна, его флага и всѣхъ корабельныхъ служителей, донесши о помѣ Королю, моему Государю.

Молю Бога продлить дни ваши.

Вашего Превосходительства — и проч.

Санто Доминго,
21 Іюля 1801.

Подписано : Joaquino Garcia.

VII.

*О Французскомъ Епископѣ, бывшемъ
первымъ Министромъ въ Кохинхинѣ,
и недавно умершемъ.
Письмо изъ Кохинхины.*

Епископъ Адранской умеръ. Кохинхина потеряла великаго Министра, а Религія одного изъ самыхъ ревностныхъ своихъ Прелатовъ. Сожалѣніе о немъ, и почести, оказанныя его праху народомъ, еще не вышедшимъ изъ мрака идолопоклонства, будущъ эпохою въ семъ государствѣ.

Епископъ Адранской выѣхалъ изъ Франціи самымъ молодымъ человекомъ, и съ именемъ прослаго Миссіонера; но скоро получилъ санъ Епископа, и отличился въ трудной должности своей великими успѣхами. Онъ разумѣлъ всѣ Европейскіе языки и почти всѣ науки; ученые Китайцы не лучше его знали свой языкъ. Короли имѣли къ нему ошмѣнное уваженіе, и Кохинхинской Царь сдѣлалъ его первымъ Министромъ своимъ. Сей Государь воевалъ тогда съ мятежниками, которые завладѣли частію земли его. Англичане, пользуясь такимъ обстоятельствомъ, предложили ему свою помощь,

съ шѣмъ условіемъ, чшобы онѣ далѣ имѣ
исключительное право торговли; но Ад-
ранской Епископѣ именемъ Гссударя оп-
казалѣ имѣ, желая дославить сію выго-
ду Французамъ, и для того опсправил-
ся въ Европу, взявъ съ собою Царскаго
сына, единственнаго наслѣдника. Вы ви-
дѣли, съ какимъ опшличіемъ принялъ его
Дворѣ Версальской. Лудовикѣ ХVІ хотѣлъ
дать ему войско; но первыя смяшенія
Революціи и происки Комменданша Пон-
дишерскаго распроили сей планѣ, такѣ
что Адранской Епископѣ могѣ взять съ
собою только нѣсколько Артиллерійскихъ
Офицеровѣ, поѣхавшихъ съ нимѣ добро-
вольно. Сею слабою помощію онѣ возвра-
тилѣ Царю его владѣнія, и оспальную
жизнь свою проведѣ въ дѣлахъ своего
Министерства и Епископства.

„И такѣ“ (сказалѣ онѣ за нѣсколько
минушь до смерти своей) — „и такѣ я
„дошелѣ до цѣли безпокойной мѣрскай дѣя-
„тельности, которая, не смотря на мое
„внутреннее опшращеніе, столько времени
„занимала меня! Труды мои кончашся,
„и блаженство мое начнется! Я съ радо-
„стью оставляю свѣшъ, въ которомѣ счи-
„тали меня благополучнымъ; гдѣ народы
„меня славили, вельможи почитали и
„самые Цари уважали. Не жалѣю объ

„этой чести; она есть суепа и печаль. Въ объявляхъ моилы найду миръ и спокойствіе.“ — Изъявивъ благодарность свою Королевскому Медику, онъ примолвилъ: „Разскажете, что вы видѣли; увѣрите Короля, что я ничего не боюсь и совершенно покоенъ. Пусть знаетъ онъ, что Европейцы умѣюишь и жить и умирашь.“

Весь Дворъ былъ въ изумленіи. Мы пошчасъ объявили Королю о смерти Епископа. Онъ послалъ для него великолѣпной гробъ и разныя шелковыя матеріи для погребенія. 10 Октября мы положили шѣло на гальионъ и отвезли въ Доніе. Гробъ несенъ былъ при свѣчѣ факеловъ съ великою пышностію и поставленъ, до пріѣзду Короля, въ большой залъ Епископскаго дому. Тамъ всякой день служили панихиду, въ присутствіи Французскихъ Офицеровъ и Китайскихъ Мандариновъ, богато одѣтыхъ; послѣ чего сынъ Короля угощалъ всѣхъ обѣдомъ.

Погребеніе совершилось 16 Декабря, ночью. Король велѣлъ сыну своему итти передъ гробомъ, покрытымъ богатыми шпофами и окруженнымъ горящими свѣчами; его несли, подъ огромнымъ золотымъ балдахиномъ, 80 человекъ, нарочно для того избранныхъ. За нимъ два

человѣка несли знамя, на копоромъ вышны были золошыми буквами всѣ шипулы, данныя Епископу Королемъ Французскимъ и Кохинхинскимъ. Вокругъ шло множесиво молодыхъ Хриспїянъ въ коронахъ и съ зажженными свѣчами. Вся Царская гвардія (по еспь болѣе 10000 человекъ) шлояла на улицахъ съ ружьями и съ пушками. 120 Слоновъ съ вожащими и съ шрубами шли по споронамъ. Бросали ракеты, горѣли феерверки, били въ барабаны, и музыка Кохинхинская безпрестанно играла; улицы освѣщены были множествомъ фонарей. Около 40000 идолопоклонниковъ и Хриспїянъ провожали гробъ; невозможно было счесать зрительей, копорые шѣснились на улицахъ и даже на кровляхъ. Самъ Король шелъ за шѣломъ съ своими Мандаринами; но всего болѣе удивило насъ то, что его мать, сестра, Королева и наложницы, желая изъяснить любовь свою къ такому рѣдкому человѣку, презрѣли обыкновение и провожали гробъ до самой могилы.

Епископъ назначилъ, чтобы его погребли за городомъ, въ прекрасномъ саду. Сперва Каполическіе священники совершили обрядъ нашей церкви; потомъ Король, слѣдуя своему закону, принесъ жертву, и выслушавъ надѣробное слово, про-

внесенное краснорѣчивымъ, духовнымъ Орапоромъ, онъ медленно и величественно приблизился ко гробу, залился слезами и просился съ умершимъ другомъ своимъ. Всѣ плакали и рыдали.

Теперь Король сооружаетъ великолѣпный памятникъ, доспойный Монарха и добродѣтельнаго Министра. Г. Баршелеми, который прѣхалъ сюда изъ Франціи съ Адранскимъ Епископомъ, прудится надъ симъ монументомъ.

VIII

О славномъ Гальвани.

Сей Италіянскій Докпоръ прославился изобрѣшеніемъ новаго способа леченія, который въ честь ему названъ *Гальванизмомъ*, и который состоитъ въ дѣйствіи металловъ на систему нервъ. Мы въ другое время извѣстимъ нашихъ Читателей о семъ, можно сказать, чудесномъ способѣ и разныхъ феноменахъ Гальванизма; теперь переведемъ нѣкопорыя мѣспа изъ Французскаго похвальнаго слова Докпору Гальвани, которое занимательно не только для Медиковъ, но и для всѣхъ чувствительныхъ людей. — Любопышно знать

случай, черезъ который открылся Гальванизмъ.

„Въ одинъ вечеръ Гальвани работалъ съ нѣкоплыми пріятелими въ своей лабораторіи. Жена его лечилась тогда лягушечьимъ бульономъ; мужъ, любя ее спрасно, всегда самъ варилъ его. Лягушки лежали на столѣ подлѣ элекпрической машины. Одинъ изъ учениковъ нечаянно допронулся мѣднымъ прутомъ до ихъ мяса: вдругъ всѣ мускулы въ нихъ зашрепепали. Госпожа Гальвани, пораженная симъ явленіемъ, спѣшила сказать о томъ мужу, котораго дальнѣйшіе опыты произвели, какъ извѣстно, Гальванизмъ.“

Алиберъ, Авпоръ похвальнаго слова, описываетъ намъ семейственную жизнь славнаго Доктора. Самая любопытная наука, говоритъ онъ, есть наука человеческого сердца. Пріятно со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть тѣхъ людей, которые заслужили наше удивленіе и благодарность. Все, что до нихъ касается, достойно описанія; и картина ихъ дѣйствительной жизни бываетъ для попомства драгоцѣннѣе многихъ умозрительныхъ сочиненій.“ — Читатели, вмѣстѣ съ нами, отдадутъ справедливость той любезной чувствительности и неизбяснимой прелести въ слогѣ, съ которою Авпоръ

начерпалъ моральный характеръ Гальвани; онъ конечно, подобно ему, умѣетъ наслаждаться всѣми нѣжными, добродѣтельными склонностями: ибо прогашельная истина выражений его можетъ только непосредственно изъ души изливаться. — Вотъ что говоришь онъ о чрезвычайной любви Гальвани къ достойной супругѣ, которую надлежало ему оплакать:

„Гальвани наслаждался всею полною; „чистѣйшаго супружескаго щастія; оно „удвоило жизнь его; оно украсило ее тою „всегдашнею, неизмѣнною прелестію, ко- „торая есть совершенный рай для сердецъ „нѣжныхъ. Когда случалось ему грустить „или беспокоиться о чемъ нибудь, онъ „спѣшилъ къ своей милой подругѣ, и въ „минуту забывалъ горе. Одна добродѣтель „можетъ понять и цѣнить сія крошкія, „нѣжныя удовольствія супружества, ко- „гда союзъ его утвержденъ сходствомъ „нравовъ, чувствительности и характера. „Можно сказать, что блаженство сего „союза принадлежитъ Ученымъ еще бо- „льше, нежели другимъ; ибо они въ самыхъ „большихъ городахъ живутъ какъ пустыни- „ники, и должны искать награды за все- „гдашнее уединеніе, на которое работа и „дѣятельность ума осуждаютъ ихъ. „Сверхъ того въ щастливомъ супружествѣ

„находящѣ они швердоспѣ и мужество, не-
 „обходимыя для пренесенія безчисленныхъ
 „гореспей, которыя бывають неразлучны
 „сѣ пріобрѣпеніемъ славы. Нецаспливѣ,
 „кто, будучи предметомъ зависши и гоне-
 „нія, не можетъ повѣритъ своего сердца
 „нѣжной супругѣ, не можетъ быть ушѣ-
 „шенъ ею въ бѣдспвіяхъ славы! Гальвани,
 „подобно другимъ, спрадалъ за первые
 „успѣхи свои; но внутреннее мирное
 „щаспїе семейства, ласки и милый раз-
 „говоръ подруги, вливали пишину и спо-
 „койствіе въ его душу. Тридцать лѣтъ
 „онъ восхищался блаженствомъ любимъ
 „и быль любимымъ.

„Но сему прелестному сновидѣнію
 „надлежало для него исчезнуть!.. Сколь
 „мучительно пережилъ милое душѣ и
 „сердцу! Для чего смерть не однимъ
 „ударомъ разитъ два сердца, живущія
 „однимъ чувствомъ? . . . Въ объяснїяхъ
 „нещаснаго Гальвани скончалась его лю-
 „безнѣйшая подруга. День ужасный!.. Не
 „смѣю описывать его отчаянїя. Самъ
 „Петрарка менѣ спеналь о кончинѣ
 „Лауриной.

„Онъ соорудилъ ей памятникъ въ
 „монастырѣ Св. Екатерины, и украсилъ
 „его шротательною эпитафією; написалъ
 „исторію ея добродѣтелей, и сѣ благо-

„говѣнїемъ положилъ ее въ гробъ незабвенной Луцїи ; наконецъ оплакивалъ смерть ея въ нѣжныхъ стихахъ , которые всегда будучь приводишь въ умиленїе вѣрныхъ и несчастныхъ супруговъ .

„Говоряшъ , что сей рѣдкой человекъ почти ежедневно ходилъ орошать слезами горестный памятникъ любви супружеской ; спановилъ подлѣ него на колѣна , цѣловалъ хладный мраморъ , и молился Всевышнему . . . Во прахъ человека , котораго мы оплакиваемъ , сохраняется еще нѣкоторое бытїе для нашего сердца . Кажется , что сей хладный прахъ дышетъ подъ нашею рукою , и орошаясь слезами горести , оживляется въ урнѣ своей , чтобы ошвѣтствовать на рыданїе друга !

„Первое дѣйствїе несчастїя , говоритъ одинъ славный Писатель , сжимаетъ душу : второе раздираетъ ее . Бываютъ горести въ жизни , которыхъ не уполяетъ время . Гальвани сносилъ бытїе , но всегдашняя скорбь непримѣнно разрушала существо его . Образъ умирающей Луцїи всеминутно ему представлялся ; онъ плакалъ , и хотѣлъ еще болѣе плакать . Скоро обнаружились въ немъ разныя , мучительныя болѣзни , которыя принудили его лечь въ постелью

„Въ по же самое время судьба довершила
 „надъ нимъ удары свои: онъ лишился по-
 „чти всѣхъ родныхъ и Докпорскаго мѣста
 „своего въ Болонскомъ Университетѣ, не
 „хотѣвъ признавъ Республиканской вла-
 „сти въ своемъ опечесствѣ. Хотя Милан-
 „ское Правленіе, изъ уваженія ко славу
 „его, велѣло снова внести его имя въ
 „Университетскій списокъ и давалъ ему
 „полное жалованье; но симъ справедли-
 „вымъ благодареніемъ онъ уже не могъ
 „воспользоваться. Смерть, давно имъ же-
 „лаемая, наконецъ пресѣкла горестныя
 „дни великаго мужа, и ввела его въ вѣч-
 „ную обитель тишины и мира. На по-
 „гребеніи его не видно было той гордой
 „пышности, которая окружаетъ ни-
 „щность богатыхъ; но слезы друже-
 „ства лились на гробъ Гальвани; просвѣ-
 „щеннѣйшіе граждане шли за нимъ съ
 „благодареніемъ, и вся ученая Европа со-
 „жалѣла о немъ. — Покойся, священная
 „пѣнь! Память швоя оспалась въ мѣрѣ!“ ..

Новыя сочиненія Госпожи Неккеръ.

Кто читаетъ Французскія книги, тому безъ сомнѣнія извѣстны сочиненія Госпожи Неккеръ, изданныя мужемъ ея подъ именемъ *Mélanges*, etc. Жаркія чувства добродѣтели (непритворныя: ибо Госпожа Неккеръ во всю жизнь благодѣтельница была), тонкія мысли, нѣжность вкуса, любопытныя анекдоты (собранныя ею въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ, то есть въ домѣ ея), красивое многоглаголюе, высокопарность, составляющія характеръ сей богатой смѣси, которая на всякой страницѣ напоминаетъ читателю какое-нибудь славное имя, и хотя не всегда ему нравится, но почти всегда занимаетъ его. Теперь вышли еще два тома, совершенно подобныя первымъ. Они здѣсь еще не извѣстны, и по тому можемъ перевести изъ нихъ нѣкоторыя мѣста для Читателей нашего Журнала:

„Всего злѣе народы полупросвѣщенные; по же можно сказать и часно о людяхъ.

„Великія мѣста подобны высокимъ, крупнымъ скаламъ, на которыхъ только взлетаетъ орелъ или вползаетъ змѣя.

„Спрассти *природныя* сильны и крат-
 „ковременны : спрассти *общественныя* сла-
 „бѣе , но продолжительнѣе, подобно всѣмъ
 „дѣйствіямъ привычки , которую можно
 „назвать совѣстницею Натуры, а не
 „впорою Натурою.

„Великій Авторъ въ переводѣ похожъ
 „на вельможу въ ссылкѣ или по крайней
 „мѣрѣ въ немилости.

Когда Вольперъ умеръ , Г. Коле ска-
 „залъ : *теперь мы олятъ Республиканцы !*

Г. Дюбюкъ , чрезмѣрно хвалилъ умъ
 „человѣка , поговоривъ съ нимъ однажды.
 „Ему доказали , что эшошъ человѣкъ
 „глупецъ. *Я не виноватъ , что онъ залас-*
 „*ся только на одинъ день , отвѣчалъ Дю-*
 „бюкъ.

„Говорили , что Господинъ С* , извѣ-
 „стный по своему злословію , умеръ отъ
 „яда. Госпожа Монсанжъ сказала : *онъ*
 „*конечно укусилъ языкъ свой.*

Великое искусство въ разговорѣ есть
 „заставляшь другихъ говорить много , а
 „самому говорить мало : вотъ истинная
 „Репорика для сего краснорѣчія !

Панаръ напивался и засыпалъ ; его
 „будили и заставляли сочинять стихи :
 „онъ зѣвая сочинялъ прекрасные , и въ
 „ту же минуточку опять засыпалъ. Панаръ
 „никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ ;

„его одѣвали, обували; онѣ ѣлъ и пилъ у
 „пріятелей. Однажды онѣ пришелъ къ
 „Мармоншелю и сказалъ ему: *выпроси*
 „*мнѣ небольшую ленту у Министра.*
 „Мармоншель взглянулъ на него съ ужа-
 „сомъ, и шихонько сказалъ: *онѣ скоро ум-*
 „*ретъ!* Въ самомъ дѣлѣ Панарѣ черезъ
 „нѣсколько дней умеръ. Когда Мармон-
 „шелю надобны были стихи для его Жур-
 „нала, онѣ приходилъ къ Панару, и го-
 „ворилъ ему: *стиховъ, стиховъ, другъ*
 „*мой!* — *Посмотри въ ящикъ, подъ мо-*
 „*имъ парикомъ,* отвѣчалъ онѣ. — Мармон-
 „шель выдвигалъ старой ящикъ, и находилъ
 „лоскушки, закапанные краснымъ виномъ.
 „*Нужды нѣтъ!* говорилъ Панарѣ: *это ле-*
 „*гачъ талантовъ.* Стихи въ самомъ дѣлѣ
 „бывали нѣжные и пріятные.

„*Опредѣленія* или дефиниціи напоми-
 „нающъ мнѣ Персидскую сказку: Два вол-
 „шебника сражались между собою; одинѣ
 „превратился въ пѣшуха, а другой въ
 „гренаду; пѣшухъ сѣлъ всѣ зерна, кро-
 „мѣ одного, которое превратилось въ ли-
 „сицу и сѣло пѣшуха. — Еслили забу-
 „дешь хотя одну сторону въ вещи, по-
 „опредѣленіе не годится и само собою
 „уничтожается.

„Шанлю говорилъ о *Сенекиной жизни,*
 „Дидроповомъ сочиненіи: *Это льяныя*

„фразы, которыя безъ памяти бѣгутъ одна
„за другою.

„Господинъ Борда, слыша, что стре-
„гѣе вопросы заставили нещасливаго Спру-
„энзе признаться въ тайной связи его съ
„Датскою Королевою, сказалъ: Французъ
„объявилъ бы это всякому, но никому бы не
„признался. Слово прекрасное!

„Графъ д' Аржанеонъ, черезъ часъ
„по опшпавкѣ своей, написалъ къ госпо-
„дину Жанелю, Директору почты: любе-
„зной другъ! естли ты еще помнишь
„меня, то сдѣлай одолженіе — и прог.

„Гораздо легче и вѣрнѣе перемѣнишься,
„нежели скрывать пороки свои. Знающіе.
„свѣдѣнъ знаютъ то, что можно испра-
„вить, а не обмануть людей.“

X.

М с д о р ъ.

(Истинное происшествіе въ 1794 году.)

Флорвиль шелъ ужинашь въ предмѣстіе
Св. Жерженя, часовъ въ девять, и увидѣлъ
спарика, сидящаго на мосту подгорюнив-
шись; услышалъ спонъ его — оспановился,
хотѣлъ говорить — но медлилъ. Желаніе
дѣлать добро не всегда доспашочно для

благодѣянiя и часто умираетъ въ душѣ отъ нерѣшимости, подобно свѣплымъ, хладнымъ парамъ, копорые воздухъ образуетъ, а вѣшеръ разѣвваетъ въ минушу.

Однакожь Флорвиль подошелъ къ спарикку, и помолчавъ сказалъ ему: „Государь мой! извините; но не могу ли ушѣшнись васъ, или бытъ вамъ полезнымъ?“ — Ахъ, нѣтъ! отвѣчалъ спарикъ: я въ отчаянiи. Другъ мой умирая отдалъ мнѣ свою собаку, и просилъ беречь ее. Я самъ любилъ Медора: онъ былъ такой доброй, и всегда ко мнѣ ласкался. Что же? я ушопилъ его. Мнѣ не чѣмъ было его кормить; у меня жена, дѣти — они еще дороже. Я многимъ хотѣлъ отдать Медора: никто не бралъ. Оснавалось убитъ его... я могъ на то рѣшиться, но не могу никогда ушѣшнись; чувствую, что излишно надѣялся на твердость свою! Въ самую минушу, когда я привязывалъ къ нему ужасной камень — естли бы вы видѣли, какъ Медоръ смотрѣлъ на меня, лизалъ мнѣ лице, руки, и говорилъ глазами: *мнѣ жаль тебя; ты теряешь друга!* Два раза, государь мой, два раза я шолкалъ его, зажмурилъ глаза, и не могъ шполкнущъ въ рѣку; наконецъ вспомнилъ о женѣ, о дѣтяхъ. Онъ упалъ!... Не знаю, что сдѣлалось вдругъ со мною,

когда вода зашумѣла отъ его паденія! . . .
Бѣдной Медоръ! прости навѣки!

Флорвиль, не зная, какъ упѣшишь старика, хопѣлъ опвращипъ его мысли отъ печальнаго предмета; говорилъ о томъ и другомъ, но молчалъ о Медорѣ. „Будемъ друзьями“, сказалъ онъ, пожимая руку его: „я желаю видѣть дѣтей твоихъ; хочу подарипъ ихъ какою нибудь бездѣлкою; провожу тебя домой“ . . .
Старикъ не слушалъ.

Вдругъ бѣжитъ собака, прямо къ нимъ — самъ Медоръ — и бросается на колѣни къ господину своему, которой, внѣ себя отъ радости, смотрипъ на Флорвиля, на собаку, и не смѣетъ вѣрипъ глазамъ. Наконецъ сказалъ: „ахъ! это онъ; это Медоръ! Какая радость! Бѣдененькой! какъ ты могъ выпипи изъ рѣки? Говори, Медоръ, говори!“ — Флорвиль счелъ за нужное быть Медоровымъ переводчикомъ, и сказалъ старику: „руки твои вѣрно дрожали; ты не могъ хорошенько привязать камня; онъ сорвался, и Медоръ выплылъ на берегъ. Это оперная развязка, и еще самая лучшая.“

„Правда, правда!“ отвѣчалъ старикъ: „глаза мои худо видѣли; я плакалъ, и самъ ужасался твердосипи своей. Нѣтъ, нѣтъ! впередъ не хочу быть твердымъ;

лучше продамъ свой послѣдній кафпанъ.“
 — Не продавай ничего, сказалъ Флорвиль:
 вотъ пенсіонъ для Медора, пока хлѣбъ
 дорогъ въ Парижѣ. — „Добродѣтельной го-
 сподинь!“ закричалъ старикъ... и Флор-
 виль ушелъ отъ него. Сошедши съ мосту,
 онъ оглянулся назадъ: старикъ еще кла-
 нялся ему, и ласкалъ собаку свою. —

(Изъ Journal de Paris.)

XI.

СМЕРТЬ ШЕЛЕХОВА.

*Мысль С. Или-Афогнаки стекаются
 на морской берегъ, съ котораго видны
 Рускія суда, бѣгущія на парусахъ.*

Афогнакъ.

Радость, радость! Видите ли корабль,
 несущій къ намъ нашего друга по бы-
 стрымъ волнамъ синяго моря?

Всѣ въ одинъ голосъ.

Видимъ, видимъ! Несите, добрые
 вѣтры, нашего друга! дайте намъ скорѣе
 прижать его къ сердцу, скорѣе обнять
 его колѣна!

Первый.

Уже снарѣйшины пошли къ нему на
встрѣчу.

Вторый.

Побѣжимъ принявъ его на мирный
берегъ.

Третій.

Окажемъ ему по возможности наше
усердіе.

Первый.

Подведу ему чернаго, гладкаго соболя,
кошораго я поймалъ на его счастье.

Вторый.

А я поднесу блюдо пшена и скажу
ему: „ты научилъ насъ удобрять землю,
тебѣ и посвящаю первый плодъ ея.“

Женщина.

Чѣмъ же намъ почтить его? Соберемъ
свѣжихъ, душистыхъ травъ и устелемъ
ими ложе его.

Другая.

А дорогу отъ пристани до его хижины
усыпемъ прекрасными цвѣтами.

Афогнакъ.

А я до румяной зари проиграю подъ
окномъ его на свирѣли, шихонько, шихонько,
чтобъ не встревожить сладкаго сна его.

Всѣ.

Подешимъ же, брашья, подхвашимъ на руки нашего благошворителя.

Афогнакъ.

Но вотъ возвращается одинъ изъ нашихъ старцевъ.

Другой.

Для чего же онъ не ведетъ нашего друга? Не уже ли надежда обманула насъ? . . . Но взгляните, взгляните на старѣйшину: онъ идетъ преклоня голову.

Третій.

Ноги его дрожатъ; онъ поднимаетъ къ Небесамъ руки.

Женщина.

Лице его блѣдно. Всемогущій! что это значитъ?

Всѣ.

Какія вѣсти, опецъ, какія вѣсти? — (Старѣйшина молчитъ, обращая на всѣхъ печальные взоры.) — Гдѣ же нашъ благодѣтель?

Женщина.

Почто спрашивать? развѣ не довольно говорятъ его вздохи? Ахъ! конечно не спало нашего друга!

Старѣйшина.

Терзайте, чада мои, ваши одежды; бейте, бейте себя въ перси!... Уже нѣтъ нашего друга!

Всѣ.

Что слышимъ!

Старѣйшина.

Уже онъ былъ на возвратѣ къ намъ отъ престола Царицы Сѣвера; спѣшилъ возвѣстить намъ отъ лица Ея новыя милости; уже двѣ зари только оставались до отплытія его изъ Охотска, какъ вдругъ неумолимая смерть восхитила его въ страны, никому неизвѣстныя!

Всѣ.

И мы осиротѣли!

Старѣйшина.

О ты, копорому нѣтъ на языкѣ моему достойнаго названія! человекѣмъ называть тебя мало, когда и мы человекѣ. Ты умеръ, но и по смерти намъ благодушельствуешь! — Подиже, чада мои, подиже на пристань! тамъ вы увидите земледѣльческія орудія, разныя рѣдкости, привезенныя Рускими — и все это для насъ, говорятъ они, было имъ приготолено!

Афогнакъ.

О горе! о горе! Полно съ радостію встрѣчать свѣшное солнце! оно опять исчезнетъ и опять возникнетъ въ яркомъ сіяніи; а мы все не увидимъ нашего друга!

Старѣйшина.

Я вижу, вижу и теперь его живо, когда онъ, гуляя съ нами въ полѣ, остановился, уперъ въ грудь свою нѣкій желѣзный шволъ, и вдругъ отъ лица его вспыхнула молнія, грянулъ громъ, и мы всѣ вокругъ его пали; онъ перваго меня подымлетъ, ободрятъ блѣднаго и дрожащаго; ведетъ за руку далеко впередъ и указываетъ на пшцу, молніей его пораженную; мы всѣ простерли къ нему руки, нарекли его всемогущимъ; но онъ запретилъ намъ сіе названіе — „зовите меня, сказалъ онъ, вашимъ другомъ!“

Афогнакъ.

Какое смиреніе! А помните ли шотъ тихой, пріятный вечеръ, когда мы сидѣли вокругъ его на краю крушаго берега? Красное, зардѣвшееся солнце стояло полукругомъ на самомъ морѣ; другая же половина его уже свѣшилаь сквозь синія воды: онъ вѣщалъ намъ о Создателѣ міра, о началѣ человекѣвъ, о разныхъ и

различныхъ народахъ, населяющихъ землю, о дивныхъ Искусствахъ, дополъ намъ неизвѣстныхъ: какъ дѣлають булань, постѣкающій съ одного удара многовѣчное дерево; изъ чего составляется порохъ, убивающій издали, подобно грому; какъ съ неизмѣримой высоты неба похищается огонь у самаго солнца. Мы въ благоговѣнномъ безмолвіи ему, внимали, неподвижно усремивъ на него удивленные взоры; потомъ съ восторгомъ спрашивали его: „гдѣ ты научился такой премудрости? Всемогущій ли, царствующій прѣвыше неба, открылъ тебѣ во свидѣніи? Духъ ли ты благопворный, ниспосланный къ смертнымъ, чшобъ показать имъ на землѣ счастье?“ — „Друзья мои!“ съ крошечною опыѣчалъ онъ: „чшо я знаю, шо знаюшъ и всѣ въ моемъ отечествѣ; происхожденіе же мое далеко, далеко онъ того, какимъ вы его считаєте. Нѣшъ! я не Духъ, а бренный, какъ и вы, смертный; отецъ мой питался трудами рукъ своихъ., — И потомъ рассказывалъ онъ о странѣ Руской, о великой ея Повелительницѣ, владычествующей надъ семью морями и покорившей многія царства; рассказывалъ объ опечесивенныхъ законахъ, нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи.

Другой.

Что мы до него были? не многимъ превосходи́те звѣрей, копорыхъ выдолбленныя головы служили намъ вмѣсто шлемовъ; вся наша слава была воевать съ Ахмохмешами, Колошами, Коняками и прочими сосѣдами; все упражненіе соспоало въ помѣ, чпобы гоняшься за волками по дремучимъ дубравамъ, въспрашныхъ ущелинахъ высокыхъ горъ, или дрожашъ цѣлые дни въ озерахъ, ловя въ нихъ рыбу для пропитанія; всегда въ тяжкихъ трудахъ, всегда въ опасностяхъ!

Женщина

И всякой день въ одиначествѣ. Дѣпи наши росли, выростали и не видали ниже ласковаго онѣ отца взгляда; бывало сидимъ подгоруясь предъ своими хижинами; глядимъ на порхающихъ пшичекъ: онѣ поютъ, вьются другъ около друга, милуются, а мы однѣ, а мужа наши далеко! Лѣшнее солнце мечетъ на насъ жаркіе лучи свои; горимъ, горимъ наше сердце, и нѣтъ ему оспрады! Но другъ нашъ показалъ намъ новую жизнь: шеперь любезный мой воздѣлываетъ землю близъ своей хижины, а я шупъ же сажу овощи или пряду мягкую волну; шрудимся и разговариваемъ, работаемъ и уцѣшамся, видя вокругъ насъ играющихъ милыхъ дѣпей нашихъ.

Афогнакъ.

Уже не кипишь въ насъ кровь, не сверкаетъ изъ очей нашихъ ярость при встрѣчѣ съ иноплеменникомъ; нынѣ Афогнакъ братъ Ахмохмешу, Ахмохмешъ братъ Афогнаку. — О другъ мой! такъ, шебѣ я обязанъ новымъ для меня чувствомъ, — чувствомъ святыя дружбы! Ты подарилъ мнѣ не брата, не сына, но человѣка, котораго я люблю теперь не меньше того и другаго: Послушайше: нѣкогда взялъ онъ меня съ собою осматривать здѣшнія растѣнія; упомянутый переходомъ черезъ крупныя горы и обширныя степи, склонился онъ ко сну подъ тѣнью спараго дуба.... Я сидѣлъ въ головахъ его; опершись на булаву, охранялъ нашего друга онъ ядовитаго змѣя. Вдругъ слышу шорохъ: обратился, и вижу одного изъ Ахмохмешовъ, — съ копорыми тогда мы воевали, — припавшаго за деревомъ и внимательно на насъ смотрящаго; я вскочилъ, бросаюсь на него, занося тяжкую булаву мою; иноплеменникъ защищается. Вопль нашъ разбудилъ друга; онъ прибѣгаетъ и обезоруживаетъ — меня словомъ, того блескомъ оспрыя сабли, которую онъ въ первый разъ еще увидѣлъ. — Вы знаете, братья, что по возвращеніи нашемъ въ селеніе онъ оидалъ плѣнника мнѣ, и всѣхъ насъ уговаривалъ любить

его; знаеше и шо, какую попомъ Ахмох-
метъ оказалъ мнѣ услугу; она содѣлала
его изъ плѣнника другомъ, вѣчнымъ моимъ
другомъ! Ахъ! еспьлибъ не онъ расперзалъ
звѣря, исхишивъ меня почти изъ его
челюстей прощай, любезная моя пе-
друга! прощайте, милыя дѣши! давно бы
вѣтръ свисталъ на моей могилѣ.

Другой.

Кто же теперь будетъ научать насъ?

Третій.

Съ кѣмъ совѣшоваться?

Четвертый.

Кому ходапайснвовашъ за насъ у ве-
ликой Царицы Сѣвера?

Старѣйшина.

Умолкнемъ, чада мои! Богъ можетъ
все, другъ нашъ говаривалъ. И такъ, ко-
гда уже ни слезы, ни вопль, ни тысячи Ду-
ховъ небесныхъ не могутъ воскресить его,
по вознесемъ лучше ко Всемогущему пла-
менныя наши моленія, да восприметъ
Онъ его къ Себѣ въ чертогъ неприспущаго
сѣпа, и да будетъ другъ нашъ опнынѣ
ангеломъ нашимъ хранителемъ! Падемъ
съ благоговѣніемъ!

Всѣ.

Да будетъ тако! да будетъ тако!

Старѣйшина, а за нимъ и всѣ пада-
ютъ ницѣ.

Ш.

XII.

КЪ ЭМИЛІИ.

(Издатель Вѣспника одолжитъ меня, напечатавъ стихи мужа моего. Они для меня хороши; а можетъ быть понравятся и другимъ женщинамъ, которыя щастливы любовію мужей своихъ. — Эмилиа.)

Подруга милая моей судьбы смиренной,
Которою меня Богъ щедро наградилъ!
Ты хочешь, чпобы я, спокойствиемъ усыпленной
Для себѣ и для Музъ, талантъ мой про-
будилъ,
И людямъ о себѣ напомнилъ бы стихами.
О чемъ же мнѣ пишешь? Въ душѣ моей одна,
Одна живая мысль; я разными словами
Могу сказать одно; душа моя полна
Любовію свяной, блаженствомъ и побою:
Другое кажется мнѣ скучной суетою.
Сказавъ тебѣ: люблю! уже я все сказалъ.
Любовь и щастіе въ романахъ говорливы,
Но въ истинѣ своей и въ сердцахъ молчаливы.
Когда я щастіе себѣ воображалъ;

Когда искалъ его подъ бурнымъ небомъ свѣта,
 Тогда о прелестяхъ *сокрытаго* предмета
 Я часто говорилъ; игралъ умомъ своимъ,
 И тѣни прабиралъ любилъ однѣ къ другимъ,
 Въ *отсутствии* себя порпременомъ упѣшая;
 Тогда я щаспливъ былъ, о щаспїи мечтаю:
 Мечта прїятна намъ, когда она жива.
 Но нынѣ, милый другъ, сильнѣйшія слова
 Не могушъ выразишь сердечныхъ наслажденій,
 Которыя во вземъ съ тобою *постою*.
 Блаженство предо мной; я на себя гляжу!
 Считаю радости свои числомъ мгновеній,
 Не думая о томъ, какъ ихъ изображать.
 Любовникъ можешъ ли любовницу писать?
 Картина пишется для взора, а не чувства,
 И сердцу угодить не спанешъ вѣкъ искусства.
 Но ешьлибъ я и могъ, любовью вдохнуень,
 Въ стихахъ своихъ излишь всю силу, нѣжность
 .. жара,
 Которымъ швой супругъ щаспливый упоень,
 И кистію живой, и чародѣйствомъ дара
 Все щаспїе свое какъ въ зеркаль явишь:
 Не думай, чпюбы шѣмъ я могъ другихъ плѣ-
 .. нить.
 Ахъ, нѣшъ! сердечный звукъ споль шихъ, что
 онъ не вняшенъ
 Въ мяшежныхъ суешахъ и въ хаосѣ спраспей.
 Кто испинно блаженъ, шомъ свѣшу не прїя-
 .. шень,
 Служа сапирою почши на всѣхъ людей.
 Споль рѣдко щаспїе! и споль несправедливы
 Понятія объ немъ! Иначе кто въ сребрь,
 Въ приманкахъ гордоспи, въ чинахъ и при
 .. Дворѣ,
 Искаль бы здѣсь его? Умы самолюбивы:

Я спорить не хочу; но мнѣ позволять быть
 Довольнымъ въ хижинѣ, любимымъ — и любить!
 Такъ пасырь съ берега взираетъ на волненья
 Непшунowychъ пучинъ, и видитъ корабли
 Играницемъ спихій; желаетъ имъ спасенья,
 Но радъ, что онъ стоитъ надежно на земли.
 Нѣтъ, нѣтъ, мой милой другъ! сердечное
 блаженство

Желаетъ пишины, а Музы любятъ шумъ;
 Не истина, но блескъ въ Поэтѣ совершенство,
 И ложь красивая плѣняетъ свѣтскій умъ
 Скорѣе, чѣмъ языкъ проспой, неліцемерный,
 Которымъ говорятъ правдивыя сердца.
 Сказавъ, что всякой день, съ начала до конца,
 Мы любимъ быть одни; что мы другъ другу
 вѣрны

Во всѣхъ движеніяхъ открытыя души;
 Сказавъ, что все для насъ минулы хороши,
 Въ которыхъ никто намъ не мѣшаетъ вольно
 Другъ съ другомъ говорить, другъ друга цѣ-
 ловать,

Ласкаюсь взорами, задумаюсь, молчаю;
 Сказавъ, что малаго всегда для насъ довольно;
 Что мы за все, за все Творца благодаримъ,
 Не просимъ чуждаго, но щасливы своимъ,
 Моля Его, чтобъ Онъ безъ всякихъ прибавле-
 ній

Оставилъ все, какъ есть, въ самихъ насъ и
 вокругъ:

Я вкусу *знатоковъ* не угожу, мой другъ!
 Гдѣ шутъ Поэзія? гдѣ вымысль украшеній?
 Я истину скажу; но кто повѣритъ ей?
 Когда пылающій любовникъ (часто мнимый)
 Спихами говоритъ любовницѣ своей,
 Что для него она предметъ боготворимый;

Что онъ единственно къ ней спрассію живешъ,
 За нѣжный взоръ ея короны не возьмешъ,
 И прочее: тогда ему иной повѣришь:
 „Любовникъ, думаюшъ, въ любви не лицемъ-
 ришь;
 „Обманываетъ онъ себя, а не другихъ.“
 Но чтобъ супружество для сердца было раемъ;
 Чтобъ въ мирной тишинѣ пріятносшей своихъ
 Сно казалось всегда цвѣтущимъ Маемъ,
 Безъ хлада и грозы; чтобъ нѣжный Гименей
 Былъ спрассенъ, и еще сильнѣе всѣхъ спра-
 сшей:
 То люди назовушъ безсовѣстнымъ обманомъ.
 Исторія любви шамъ кажется романомъ,
 Гдѣ все романами и дышетъ и живешъ.
 Нѣшъ, милая! любовь супруговъ такъ священна,
 • Что бышь должна отъ глазъ нечистыхъ сокро-
 венна;
 Ей сердце храмъ святой, свидѣтель Богъ, не
 свѣшъ;
 Ей счастье другъ, не Фебъ, другъ свѣта и при-
 шворства;
 Она по скромности не любитъ спихопворства.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь Государственнаго Совѣтника Порталиса, которому поручено было отъ Консуловъ представить на разсмотрѣніе Законодательному Совѣту новый проектъ гражданскаго Уложенія для Франціи.

Граждане Законодатели!

Правленіе считало главною своею обязанностию исполнить всеобщее желаніе Французовъ и предложить вамъ на разсмотрѣніе новую, полную систему гражданскихъ законовъ. При концѣ вашего послѣдняго засѣданія врученъ былъ каждому изъ васъ главный планъ сего Уложенія, чѣобы вы могли — въ нѣдрахъ семейства, и слѣдуя нѣжнѣйшимъ вдохновеніямъ чувствъ супруга, сына или опца, — размысливъ о тѣхъ правилахъ, которыя должно будетъ вамъ обратиться въ законъ для народа.

Въ самое то время, когда арміи наши сражались для славы и силы опечесства, мудрое Правленіе въ тишинѣ пеклося о другомъ могуществѣ, которое едва

ли не болѣе воинской славы уважается народами. Я говорю о могуществѣ благихъ учрежденій и законовъ. Иностранцы, недруги или совѣснники, спрашанся самыхъ малѣйшихъ выгодъ побѣды, но видяшъ спокойно щасливѣйшіе плоды внутренняго благодѣтельнаго образованія. Сіе чувство понятно: ибо успѣхи мудраго Правленія доказываютъ добродѣтель его, которая служилъ зацѣлою оупъ злоупотребленій власши.

Какое великолѣпное зрѣлище народъ Французскій предсавляетъ свѣту? Въ одно время предлагають вамъ для ушверженія и дружественные пракматы и гражданскіе законы! Миръ и правосудіе объѣмлются въ семь свящалищъ! Ни одна минуша для щасшя не потеряна. Среди войны мы пригошвились наслаждашся тишинсю, и великія воспомнанія побѣдъ нашихъ будутъ для насъ ободреніемъ въ прудахъ мирныхъ.

Что естъ гражданское Уложеніе? собраніе законовъ, ушверждающихъ связи общества, семейснва и всѣхъ гражданъ между собою.

Каждое общеснво имѣетъ свое гражданское право, которое всегда мало по малу образуется. Сперва народъ управляется болѣе обычаями, нежели законами.

Опѣ успѣховѣ просвѣщенія рождаются понятія о благѣ общемъ и справедливости. Опѣ времени до времени выходятъ законы, которые исправляютъ или дополняютъ обычаи. Многочисленные рѣшенія, часпо одно другому противныя, должны соглашать законы съ обыкновеніями. Наконецъ гражданское право дѣлается смѣсью обычаевъ и правилъ, различныхъ и несогласныхъ.

Если въ семъ случаѣ Правительство захочетъ сочинить новую и совершенную систему гражданскихъ законовъ, то первую трудностію будетъ соединить всѣ нужныя знанія, по большей части разсѣянныя и не бывшія никогда предметомъ основательныхъ соображеній.

Гражданское право до всего касается. Благо общее всегда противно частному благу многихъ. Для кого настоящій порядокъ выгоденъ, тотъ ненавидитъ перемѣны; для кого не выгоденъ, тотъ боится еще большаго вреда. По крайней мѣрѣ всякой хотѣлъ бы дѣйствіе устава обратиться въ свою пользу, не думая о вредныхъ слѣдствіяхъ для другаго.

Прежде Авторы, Ученые и Философы презирали науку закона; они были удаляемы отъ нее пріятностію другихъ Искусствъ, а еще болѣе таинственною

Полишикою погдашнихъ временъ, ко-
рая боялась дозволишь уму занимать-
ся гражданскимъ обществомъ, и терпѣла
однихъ Поэтовъ, Теологовъ и Геометровъ.
Тогда законодательство могло свободно
во всемъ ошибаться; но теперь рождает-
ся новое затрудненіе: теперь Ученые хо-
тятъ Метифизику свою сообщить граж-
данскому Уставу, и законодатель непре-
спанно долженъ сражаться съ системами.

Мы обязаны были въ планъ своемъ
не работѣспивовать ни духу системати-
ческому, который хочетъ все разрушить,
ни духу суевѣрія, рабства и лѣности,
который хочетъ все сохранить.

Съ половины осьмага - надесять вѣка
умы въ волненіи. Мы возгордились откры-
тіями своими въ Физикѣ, и захошѣли
преобразить мѣръ политической. Все старое
казалось намъ несовершеннымъ, и сіе чув-
ство произвело множество твореній, ко-
порыя воспалили разумъ, не просвѣтивъ
его, и завели насъ въ спрану мечнаній.

Нѣкопорые люди сожалѣють, что въ
нашемъ планѣ нѣтъ ни одной *великой*,
общей идеи, и что онъ представляетъ
только соединеніе Римскаго Права съ на-
шими старинными обычаями. Но что
такое *великая идея*? Смѣлая новосшь, или
чирежденіе, подобное Ликургову? Граждане

Законодатель! увѣримся, что смѣлая новость бываешь часпо блестящимъ заблужденіемъ, которое, подобно молніи, вмѣстѣ сверкаетъ и разитъ. Опличимъ духъ творческій отъ духа разрушительнаго. Учрежденія Ликурговы и Солоновы, еполь для насъ чудесныя, были основаны на тогдашнихъ нравахъ. Солонъ говоритъ самъ, что по народу должны быть и законы. Древнія времена не сходны съ новыми. Тогда народы были, такъ сказать, *уединенные*, и скорѣе могли принять особенныя для себя учрежденія. Нынѣ торговля произвела между государствами такую связь, какой прежде не было и между городами одной области; нынѣ у всѣхъ просвѣщенныхъ Европейскихъ народовъ одни Искусства и науки, одна Религія — и народъ, который захопѣлъ бы удалиться отъ другихъ своими правилами, привелъ бы свое Министерство въ великое затрудненіе, или долженствовалъ бы отказаться отъ всѣхъ сношеній съ Европою.

Я спрашиваю: какой народъ выдумалъ для себя совершенно новые законы? Заглянемъ въ Испорію, которая есть *олытная Физика* законодательства: она доказываетъ, что вездѣ уважались древнія правила, слѣдствіе долговременныхъ опытовъ.

Законъ двѣнадцати скрижалей былъ ничпо иное, какъ собраніе успавовъ прежнихъ Царей Римскихъ. Уложеніе Юстиніаново естъ также *собраніе*. Во Франціи славныя учрежденія Канцлера Опитала и Лудовика XIV сушь мудрое избраніе лучшихъ древнихъ обычаевъ и успавовъ. Въ наше время Фридрихъ II, Король - Философъ, въ Уложеніи своемъ соединилъ только методически разныя правила, которыя мы отъ Римлянъ наслѣдовали, и которыя просвѣтили Европу. Для чего же намъ опвергать наслѣдіе отцевъ нашихъ?

Правда, чпо для государствъ бывають нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ переменяется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ чловѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щасливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естъли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать оспорожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохраняя всю зрѣлость древняго. На дикой землѣ можно всячески дѣйствовать оспріемъ косы; но земля обработанная

требуетъ вниманія : надобно скосить одѣвъ вредныя нравы.

Мы сочли должностію ошдѣлить новыя республиканскія учрежденія опѣ древнихъ спасительныхъ нравовъ , освященныхъ уваженіемъ народовъ. Хотя Геній можетъ , сообщаясь мыслию съ блаженствомъ людей , открывать нѣкоторыя отношенія (rapports), прежде неизвѣстныя; но одно время должно пріучить насъ къ симъ новымъ истинамъ, и мудрый законодатель идетъ медленно въ слѣдъ за Геніемъ , боясь оставить назади и потерять изъ виду умы обыкновенныя.

Мы знали, что нравы должны быть не только хороши , но и пристойны ; что духъ умеренности есть истинный духъ законодателя, и что добро политическое, вѣснѣ съ добромъ нравственнымъ , бываетъ всегда среди двухъ крайностей.

Что принадлежитъ до порядка Уложенія , то самый лучший способъ бы конечно въ непримѣтномъ переходѣ опѣ одной части къ другой, такъ, чтобы онѣ соединялись своими оппѣнками. Но всегда ли можно найти сїи оппѣнки? Излѣдовавъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ методы Юрисконсульсовъ, мы увѣрились, что такія раздѣленія будутъ всегда произвольныя; и для того, слѣдуя обыкновен-

тому порядку Римскихъ уставовъ, предлагаемъ въ началѣ нѣкоторыя истины о законахъ вообще, а послѣ говоримъ о людяхъ, вещахъ и способѣ пріобрѣтать ихъ.

Сочинители опредѣляютъ разныя права: естественное, народное, гражданское, и проч. Права существуютъ для людей; ибо законодатель единственно для ихъ пользы уважаетъ вещи.

Мы признаемъ со всѣми Моралистами, что родъ человѣческой составляетъ одно великое семейство, которое отъ многочисленности своей должно раздѣляясь на разныя общества, называемыя *народами*; части ихъ, имѣя отношеніе къ общей системѣ, имѣютъ еще особенную связь между собою. Отъ сего въ каждомъ обществѣ происходитъ различіе между *своими и чуждыми* людьми, котораго мы не хотѣли уничтожить, ибо оно естественно; но какъ Природа дала людямъ свободу вездѣ искать щастія, то намъ оставалось опредѣлить условія, по которымъ иностранецъ можетъ сдѣлаться Французомъ, и Французъ иностранцемъ.

Нѣкоторые Философы думали, что гражданскія права должны быть общія, и что всѣ народы составляютъ одинъ народъ. Сія мысль прекрасна и человѣколюбива, но прошивна *любви къ отечеству*,

котораго уже нѣтъ для гражданина міра. Человѣколюбіе и справедливостъ суть общія связи народовъ; но гражданинъ въ своей землѣ долженъ имѣть особенныя выгоды. Правила другихъ народовъ въ разсужденіи насъ будутъ нашими правилами въ разсужденіи ихъ; между нѣмъ народное право есть собственностъ всѣхъ иностранцевъ въ Республикѣ.

Пресупленія опнимаютъ у Французовъ гражданское право; шотъ не есть уже членъ общества, кто нарушаетъ условіе онаго.

Человѣкъ занимаетъ одну точку въ пространствѣ и времени: и шакъ ему должно имѣть жилище; онъ свободенъ перемѣнять его, но только съ нѣкоторыми условіями, чпобы люди, имѣющіе съ нимъ по дѣламъ связь, не были обмануты и могли находить его.

Законы всегда пеклись объ отсутствующихъ; сіе человѣколюбивое поученіе еще нужнѣе въ наше время, когда торговля, промышленность, художества и науки безпрестанно заславляютъ людей путешествовать. Законодатель обязанъ быть покровителемъ шѣхъ, которые съ опасностію для жизни спростываютъ по опдаленнымъ странамъ, чпобы обогат-

шишь отечество сокровищами торговли или ума.

Общество состоитъ не изъ людей разсѣянныхъ, но изъ семействъ, которыя суть малыя общества. Семейства образуются бракомъ, предметомъ самой Напурры; его влїянїе на благо общества споль важно, что законодатель не можетъ оснавить его на произволь спраспей.

Бракъ раждаетъ обязанности для супруговъ: и такъ надобно знать тѣхъ, которые входятъ въ сїю обязанность — онъ долженъ быть торжественнымъ дѣйствїемъ.

Надобно сообразоваться съ цѣлю Природы въ разсужденїи брака; надобно положить лѣша для супружества.

Должно способствовать брачнымъ союзамъ и чистотѣ нравовъ: по тому запрещается супружество между родными у всѣхъ народовъ, ибо вездѣ говоритъ Природа.

Вообще одна смерть разрываетъ союзъ брачный; но законы не должны быть строже Религии — и для того въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы дозволяемъ разводъ, но только въ рѣдкихъ и важныхъ, чпобы супружество не сдѣлалось цѣлю корысполубїя и развратомъ.

Каждое семейство должно имѣть свое правленіе; супругъ, отецъ, были всегда его начальниками. Права ихъ въ Респуб-ликахъ еще обширнѣе, нежели въ Монар-хіяхъ; чпобы безъ опасности ограничить власпъ гражданскихъ начальниковъ, дол-жно распространить власпъ начальниковъ семейственныхъ.

Граждане законодатели! вы утверди-те сію священную власпъ семейства, чпо-бы утвердить свободу гражданина. Се-мейство есть святилище нравовъ: въ немъ сердечныя добродѣтели приготавлиють челоука къ добродѣтелямъ гражданскимъ; въ немъ чувства природы располагають насъ къ исполненію обязанностей закона.

Общество для пользы своей не при-знаетъ никакихъ тайныхъ и невѣрныхъ союзовъ: для того вездѣ опличаются за-конныя дѣла отъ незаконныхъ.

Малолѣтныя должны быть подъ за-щитою законовъ: и для того учреждает-ся опека.

Усыновленіе есть дѣйствіе разума и заступаешь слѣпныя дѣйствія чувствъ; оно есть вдохновеніе нѣжнаго сердца, хо-нящаго размножить предметы любви сво-ей; можетъ также быть слѣдствіемъ благопворипельности, споль любезной гражданскому обществу. Но чпобы усы-

новленіе не благопріятствовало холостой жизни, по его можно позволишь единственно женашымъ или вдовцамъ.

Мы думаемъ, что разумъ человѣка созрѣваетъ на двадцать-первомъ году, и сіи лѣта называемъ совершенными; но для законнаго супружества назначаемъ 25 лѣтъ: ибо сіе обязательство всего важнѣе и опаснѣе.

Человѣкъ въ совершенныхъ лѣтахъ можетъ быть безуменъ: тогда законъ беретъ его подъ свою опеку, и лишаетъ его свободы, чтобы сохранить ему жизнь.

Таковъ планъ нашъ въ разсужденіи людей. Что принадлежитъ до *имѣнія*, то мы различаемъ его роды: движимое и недвижимое. Въ *наслѣдствѣ* и въ *контрактахъ* заключающя всѣ способы *пріобрѣтенія*.

Наконецъ мы утвердили правило, что граждане не могутъ часпно между собою обязываться на пропивное общему благу и добрымъ нравамъ. Сіе правило есть защита Морали.

Нужно ли доказывать, сколь необходимо для Франціи общее гражданское уложеніе? Вы сами утвердили сію необходимость. Временные и случайные законы, изданные въ печеніе Революціи, уподоблялись плавающимъ доскамъ на бурномъ

морѣ. Народъ Французскій требуетъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ правилъ въ основаніе своего благоденствія.

II.

О послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ,

Сочиненіе Генерала Ренье.

Предлагаю теперь одно извлеченіе изъ моего описанія всѣхъ Египетскихъ происшествій, которое скоро выдесть въ свѣтъ; оно докажетъ, что наша Восточная армія не потеряла прежней славы своей, и что Англичане одному случаю обязаны своими успѣхами.

Диванъ пребывалъ вспоможенія отъ Англичанъ для завоеванія Египта, но испугался, когда они прислали туда цѣлую армію, которая могла дѣйствовать сама собою. Турецкое Правленіе равно боялось ихъ и нашихъ успѣховъ, полагая, что въ томъ и въ другомъ случаѣ Египетъ останется въ чужихъ рукахъ. Сей страхъ, вмѣстѣ съ опзывами Россійскаго Посла, произвелъ то, что Турки спарались болѣе вредить, нежели способствоватьъ предпріятію Англичанъ; что они

соединились съ ними тогда, когда уже Англичане сдѣлали высадку, и что Визирь не прогался съ мѣста прежде ихъ побѣды.

Англичане, уважая Воспочную армію, и спрашась ея извѣданной храбрости, были увѣрены, что предпріятіе ихъ обратится имъ въ гибель; такъ думали лучше ихъ Офицеры. Но зная, что первый Генераль ея не имѣлъ довольной опытности въ важномъ своемъ начальствѣ, они надѣялись воспользоваться его ошибками и побить нашу армію въ *гаспяхъ*. Одна сія надежда заставила ихъ повиноваться Англійскому Министерству и сдѣлать высадку — что отъ нихъ самихъ слышали Французскіе Офицеры.

Вина Генерала Мену состояла въ томъ, что онъ былъ зависникомъ нѣхъ Генераловъ, къ копорымъ армія имѣла довѣренность (*); что онъ удалилъ ихъ и дѣлалъ имъ всякія неудовольствія. Во Франціи говорили, что всѣ Генералы идутъ противъ Мену, и не хопящъ оспанься

(*) Мену ненавидѣлъ Генерала Ренъе, копорый былъ лучшей изъ Египетскихъ Генераловъ; а самъ Мену никогда не бывалъ въ сраженіяхъ, по крайней мѣрѣ никогда не начальствовалъ, и прежде Револуціи извѣстенъ былъ только своимъ хвастовствомъ и дерзоснію въ обществѣ.

въ Египтѣ; но это не правда, и Франція вѣрила ложнымъ слухамъ.

Какія мѣры взялъ сей мнимый ревностный защитникъ Египта? При жизни Клебера всѣ кассы были наполнены деньгами, собранными имъ съ жителей послѣ его славной Геліополисской побѣды: Мену вздумалъ, что ихъ на все станеть; распочалъ оставленное Клеберомъ, и не мыслилъ о новыхъ доходахъ. Не вѣря никакимъ предпріятіямъ со стороны Англичанъ, не хотѣлъ заводить магазиновъ; и когда пришли Англичане, у насъ не было ни денегъ, ни доспапшчнаго провіанта.

Мы всячески оскорбляли Мурадъ-Бей, и отвергнули его помощь, копорая была весьма нужна.

Часшъ того войска, которому надлежало оборонять берега, была удалена отъ нихъ; приказаніе Клебера, имѣнь въ Дельтѣ резервный корпусъ для подкрѣвленія всѣхъ пунктовъ аптаки, оспалось безъ исполненія.

Когда Англійская армія вышла въ Абукирѣ на берегъ, тамъ было мало войска. Солдаты наши дрались храбро на всякомъ шагу; но имъ должно было уступить несравненно превосходному числу.

Непріятельской флотъ показался 10 *Вантоза* при Абукирѣ, но за противнымъ вѣтромъ не могъ дѣлаю недѣлю приближиться къ берегу. Въ Каирѣ узнали о прибытія его черезъ три дни; еспѣли бы немедленно опсправили кавалерію, то она пришла бы въ самый день высадки; а по слѣдамъ ея могла бы итти и вся армія. Англичане не имѣли бы времени привести въ порядокъ свою артиллерію, занявъ выгодныя мѣста, укрѣпиться, и были бы непременно опрокинуты въ море.

Но Французская армія была разсѣяна по Египту. Напрасно доказывали Генералу, что однихъ Англичанъ надлежало страшиться; что они могли пристать только въ Абукирѣ; что Визирь не пронется съ мѣста прежде ихъ удачи; что должно соединить всѣ силы противъ Англійской арміи, и проч.

Мену послалъ въ Александрію съ Генераломъ Ланюсомъ только одну часть его дивизіи и полкъ конницы. Они пришли на мѣсто черезъ два дни послѣ высадки.

Англичане пять дней выгружались и готовились къ дѣйствию; наконецъ пошли къ Александріи. Ихъ было 17000, а Французовъ только 4000. Необходи-

мость прѣбовала сохранить съ Каиромъ сообщеніе: ибо општуда ежеминутно ожидали арміи; и для того Генералы наши старались не пустить Англичанъ на Каирскую дорогу. Сей малочисленный корпусъ долгое время оспориваль побѣду, и долженъ былъ опступить къ Александріи, видя, что ему не можно опразить Англичанъ опъ Канала. Французы съ горестію уступили мѣсто; они чувствовали, что Мену пропускаетъ лучшее время для успѣха, и что въ этотъ день 10000 нашихъ могли бы испребитъ непріятеля.

Такое упорное сраженіе слабаго Корпуса съ цѣлою арміею и смѣлое расположеніе его на высотахъ Александріи удивило Англичанъ. Пораженные большимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ своихъ, они не смѣли итти впередъ, опстановились и спѣшили укрѣпиться въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ между озеромъ Мадіескимъ и моремъ.

Генераль Мену узналь 20 число въ Каирѣ, что Англичане вышли на берегъ, и долженъ былъ наконецъ итти на помощь; но вмѣсто того, чтобы взять все войско, опоставилъ вездѣ сильныя гарнизоны.

29 Пришелъ онъ въ Александрію. Англичане въ 8 дней имѣли время окопаться и окружили себя багарами. Ихъ было

16000 въ семь положеніи, а Французовъ не болѣе 9500. Но обстоятельство принуждали насъ къ сраженію, чѣобы, побивъ ихъ, слѣшнть на встрѣчу къ Визирю. Казалось, что занявъ легкимъ нападениемъ лѣвое крыло Англичанъ, и усремивъ между нѣмъ всѣ силы на правое, можно было привесни непріятеля въ безпорядокъ, и конницею довершишь побѣду.

Сей планъ (*) вручили Генералу Мену, которой назначилъ 50 число для его исполненія.

Генералъ Ланюсъ, предводитель главнаго атакующаго корпуса, былъ къ несчастію убитъ въ самомъ началѣ дѣйсвія. Приказанія его были дурно исполнены; наше войско пришло въ безпорядокъ. Солдаты разсѣялись передъ непріятельскими окопами; надлежало ихъ соединить и снова вести въ атаку; но Генералъ Мену встрѣпилъ за *фрунтомъ* кавалерію, и велѣлъ ей ударить въ непріятеля. Она исполнила приказаніе съ величайшею неуспрашимостію, и врѣзалась въ самую средину непріятельской пѣхоты; но уже двѣ трети нашихъ храбрыхъ кавалеристовъ лежали на землѣ отъ Англійскихъ

(*) Самъ Ренъ сочинилъ его.

картечь; остальные должны были отступить. Между темъ Генералъ Ренье, коимъ спѣшилъ съ праваго крыла на помощь къ лѣвому и къ центру, чтобы снова напасть на правый фланкъ непріятельской, не могъ съ корпусомъ своимъ дѣйствовать отъ движенія кавалеріи. Ея истребленіе отняло у насъ всю надежду побѣдить; мы отступили.

Превосходство въ числѣ, выгоды укрѣпленія, несчастное повелѣніе, данное конницѣ ударить въ непріятеля, доставили Англичанамъ побѣду, которая могла бы немедленно рѣшить для славы ихъ и завоеваніе всего Египта, если бы они умѣли ею воспользоваться. Но огорченные смертію Генерала Аберкомби, своею поперею, и увѣренные въ превосходствѣ Французской храбрости, они не вѣрили своимъ успѣхамъ, и боялись выйти изъ окоповъ.

Французская армія имѣла еще способности дѣйствовать противъ непріятеля, слишкомъ осторожнаго и медленнаго. Надлежало соединить все войско, вывести гарнизоны, напасть на Англичанъ, когда бы они пошли въ Розету — и Египетъ могъ бы еще остаться нашимъ. Нѣсколько разъ говорили о томъ Генералу Мену; но онъ не хотѣлъ слушать, обма-

нывая себя несчастною мыслию, что не-
пріятель уже ни на что не отважился.

Армія была передъ Александріею въ самомъ невыгодномъ положеніи; вмѣсто того, ей надлежало бы койти въ укрѣпленія, умножить ихъ, и оставить въ городѣ одинъ небольшой гарнизонъ. Для прокормленія войска истощились всея магазины въ Александріи, копорые, въ противность Клеберовымъ приказаніямъ, были весьма скудны. Если бы армія удалилась во внутренность Египта, то она нашла бы тамъ для себя изобиліе сѣстныхъ припасовъ, и гарнизонъ Александрійскій, выславъ изъ города часть жинелей, могъ бы еще долго держаться.

Англичане вмѣстѣ съ Турками, пришедшимъ съ Капитанъ-Пашею, завладѣли Розетою. Мену поздно уже отправилъ въ Розету нѣсколько отрядовъ войска, одинъ за другимъ; но они, будучи слабы числомъ людей, не могли выгнать непріятеля, и расположились въ Раманѣ.

Такимъ образомъ армія раздѣлилась на три части, и лишилась всехъ способовъ отразить непріятеля.

Въ Раманѣ было около 4000. 8000 Англичанъ и 6000 Турковъ напали на сей корпусъ: онъ отступилъ къ Каиру.

Соединеніе его съ шамошнимъ гарнизономъ подало Генералу Бельяру мысль спѣшить на встрѣчу къ Визирю, чшобы побить его прежде прихода Англичанъ, которые шли медленно къ Каиру. У Визиря было 20000 человекъ и множество Англійскихъ Канонировъ. Генераль Бельяръ едва собралъ 5000 человекъ, съ которыми встрѣпилъ онъ въ Эльменаерѣ передовое Турецкое войско. Но Турки убѣгали сраженія. Генераль Французской, боясь, чшобы Англичане въ его отсутствіе не взяли города, гдѣ остался малочисленный гарнизонъ, и видя, что непріятель не хочетъ вступитъ съ нимъ въ дѣло, возвратился въ Каиръ, и рѣшился только защищать его.

Англичане приближались, чшобы соединитъся съ Визиремъ и съ корпусомъ, присланнымъ черезъ Красное море изъ Индіи; они боялись дѣйствовать порознь. Солдаты ихъ жаловались на климатъ, хотя и не перѣла той нужды, которую Французы при завоеваніи Египта во всемъ претерпѣвали. Наконецъ сіи три арміи окружили Каиръ.

Французской гарнизонъ долженъ былъ защищать большой, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣпленный городъ, проливъ 40000 непріятелей, и сверхъ того дер-

жашь въ страхѣ многочисленныхъ жителей, которые готовились при первомъ случаѣ взбунтоваться. Въ Каирѣ было 6000 солдатъ и нѣсколько больныхъ, изувѣченныхъ, комиссаровъ и ученыхъ людей, которые вооружились въ сей крайности. Чума еще свирѣпствовала въ городѣ. Благоразуміе не дозволяло выйти съ такимъ малымъ числомъ въ поле, и сразиться. Солдаты, разсѣянные по окопамъ, не могли долго прошивиться внутреннему и внѣшнему непріятелю; а ешьли бы и могли, то скоро не стало бы у нихъ ни пороху, ни хлѣба.

Отважность войска и видѣ укрѣпленной, впрочемъ весьма слабыхъ, заставили Англичанъ согласиться на всѣ требованія Французскаго Генерала, которой избавилъ своихъ товарищей отъ плѣна и съ честию возвратился въ отечество.

Александрія, гдѣ остался Мену, скоро почувствовала недостатокъ въ припасахъ. Непріятели, занявъ Марabu и высокія мѣста вокругъ Помпеевой Колонны, принудили Французское войско войти въ городъ, и вступить съ ними въ переговоры.

Восточная армія, помня славу нашу и всѣ прежнія великія дѣла свои, съ нешерпѣнїемъ ожидала Англичанъ, чтобы

побѣдою навсегда утвердишься въ Египтѣ, и тѣмъ заключишь свои геройскіе подвиги; но вмѣсто того должна была уступить Египетъ непріятелю! Офицеры и солдаты исполнили свою должность; они не виноваты. Дурное начальство и разсѣяніе войска было причиною всѣмъ бѣдствіямъ; паланты и шпыкъ подчиненныхъ не могли поправить ошибокъ предводителя. Всего же чуднѣе то, что въ самой плодотворной странѣ міра мы терпѣли голодъ!

III.

Письмо изъ Балтимора.

Любопытно и достойно примѣчанія Историковъ вліяніе Французскаго Правленія на духъ народовъ, удаленныхъ, кажется, самою Натурою отъ его дѣйствій. Въ то время, когда фанатизмъ Революціи волновалъ часть Европы и губилъ Французскія Колоніи, въ душѣ невольниковъ Сѣверной Америки развивались чувства дерзости, по справедливости ужасныя для новаго народа, котораго земледѣліе и торговля не могли бы обойтись безъ 800000 Негровъ, столь нужныхъ для успѣховъ

его промышленности. Теперь, когда Французское Правленіе утверждаетъ и спѣшитъ загладитъ всѣ нещастія Революціи; когда новые начальники, присланные имъ въ Гваделупу, дѣйствующи по мудрой системѣ благоустройства, противной гибельнымъ системамъ мятежа — теперь невольники наши, такъ сказать, сами собою отстаютъ отъ безразсудныхъ идей, поселенныхъ имъ въ голову ложными Филантропами, въ то время, когда Франція грозилась испровергнути Старый и Новый Свѣтъ. Подобно морю, котораго бурныя волны выливались изъ береговъ, и которое при началѣ тишины входяще опять въ свои предѣлы, Американскіе Негры, оставленные въ покоѣ всемірными мятежниками, мирятся съ судьбою и съ должностями своими. Правда, что рабство ихъ ни мало не ужасно для такого человека, котораго, родясь въ зависимости, не знаетъ никакихъ мечтательныхъ дѣйствій воображенія, умозрительной Философіи и тонкой Метафизики. Онъ слѣдуетъ въ жизни влеченію рока, не думая объ участи другихъ; родился, живетъ и умираетъ въ семействѣ господъ своихъ, не примѣчая того, что онъ иностранецъ. Его не лзя наказывать произвольно; естли невольники виноваты,

ню господинъ формально приносишь жалобу общественному Цензору, которой, по изслѣдованіи дѣла, можетъ наказатъ ихъ. Однимъ словомъ, Негръ Сѣверной Америки есть щасливый работникъ, имѣющій все нужное для себя, жены и дѣшей своихъ, и живущій безъ всякихъ заботъ.

Иностранецъ, который прѣзжаетъ къ намъ съ Европейскими идеями, не можетъ скрыть своего удивленія, видя здѣшнихъ Негровъ, которыхъ онъ воображалъ себѣ изнуренными, измученными людьми, преданными въ жертву холоду и зною. Какъ перемѣняются его мысли, когда онъ въ Воскресенье и многіе другіе праздники встрѣчаетъ, въ городѣ и въ деревняхъ, веселыя толпы Арабовъ, опрысканныхъ духами, одѣтыхъ еще богаше, нежели госпожи ихъ, — въ дорогихъ персняхъ, серьгахъ, ожерельяхъ, кружевахъ — съ раскрашенными перьями на головѣ — въ шаляхъ, въ шелковыхъ бѣлыхъ Чулкахъ, въ розовыхъ апласныхъ башмакахъ и въ длинныхъ покрывалахъ изъ Индѣйской кисеи! Сѣ женщины идутъ съ своими дѣтьми, мужьями, женихами, къ другимъ невольникамъ на званой балъ, полдникъ, веселиться, плясать, дѣлать сговоръ, выдумывать забаву для слѣду-

ющаго праздника , говорить очень *вольно* на счетъ господъ своихъ , на счетъ ближнихъ , совѣспницъ — говорить объ всемъ , кромѣ бѣдности , имъ неизвѣспной !

IV.

С М Ъ С Ъ .

На сихъ дняхъ громъ разбилъ въ мѣлкѣе куски древнѣй дубъ въ паркѣ Джона Эллиопа. Онъ былъ въ окружности сажени четыре. Тѣмъ же самымъ ударомъ убило двухъ дикихъ козъ , которыя безъ сомнѣнїя искали защиты подъ его вѣтвями. Сей дубъ , по старинному и вѣрному преданїю , былъ посаженъ въ 38 годъ царствованїя Генриха VI (то есть , въ шестомъ-надесять вѣкѣ).
Изъ Англ. Журнала.

Англичанинъ Гаммеръ нашелъ въ Египтѣ Арабской манускриптъ , который служилъ ключемъ для всѣхъ гѣроглифовъ , изображенныхъ на пирамидахъ. Онъ занимается переводомъ его.

Г. Дезессаръ купилъ у Томасовыхъ насѣдниковъ всѣ манускрипты сего извѣстнаго Автора , и между прочими Эпическую Поэму , ПЕТРЪ Великїй , которую мы знали только по отрывкамъ , напечатаннымъ въ

разныхъ Журналахъ. Она состоить изъ десяти пѣсней, и скоро выдесть въ свѣтъ, къ удовольствію Французовъ и Рускихъ.

Спихотворежъ Делидь отдаесть въ печать новую свою. Поэму *Нещастіе и жалость*; она естъ картина Революціи и самое лучшее (какъ говорятъ) изъ его сочиненій. — Лагарпъ также въ какой-то духовной Поэмѣ описываетъ бѣдствія Революціи, осаду Ліона и Нанпскія *потопленія* или *нояды*. Можно знать напередъ, что въ ней будещъ много прекрасныхъ спиховъ.

Совы, ласпочки, пауки, голуби, карпы и другія животныя, копорымъ человекъ рѣдко даесть умирать въ покоѣ, лишились великаго покровителя въ Англійскомъ дворянинѣ Арчерѣ, которой не давно умеръ, и копорой славился болѣе своими странностями, нежели богатствомъ, имѣвъ 100000 рублей ежегоднаго доходу. Сельскій домъ его въ Эссексѣ былъ, по его приказанію, гостинницею веѣхъ дикихъ животныхъ, копорыя тамъ жили свободно и веселились. Сады служили для нихъ гуляньемъ. Двери были 18 лѣтъ запечатаны, и въ нѣкопорыя комнаты болѣе шридцати лѣтъ никто не заглядывалъ. Сторожу дома и садовнику велѣно было все оспавить на попеченіе Нашуры; они не смѣли

сорвать ни одной травки, не смѣли выгнать ни одного зѣря; не смѣли бросить и камня въ пруды; должность ихъ состояла въ томъ, чѣобы не пускали людей. Весь дворъ и берега прудовъ заросли густою травою; нигдѣ не показывалось слѣдовъ человеческихъ. Въ трубахъ жило безчисленное множество галокъ; печальная ночная птица, уединенная сова, занимала большую залу; библиотека, наполненная лучшими изданіями Англійскихъ Авторовъ, сдѣлалась убѣжищемъ голубей, которые дружелюбно раздѣлили между собою полки, и своею нечистою закрыли весь паркетъ фупа на два въ глубину; другая зала досталась паукамъ, которые наспроили такое множество перегородокъ и коридоровъ, что и въ славномъ Лабиринтѣ было ихъ гораздо менѣе. Погребъ оспался невредимъ; вино, ромъ и водка сохранились въ цѣлости. Господинъ Арчеръ имѣлъ другой великолѣпной замокъ въ Беркской провинціи: онъ содержалъ его въ чистотѣ и порядкѣ, но самъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, въ совершенномъ уединеніи, никого не принималъ и никогда не хотѣлъ быть Членомъ Парламента; часто ѣзжалъ къ водамъ, всякой разъ въ богатой каретѣ, въ шестъ лошадей, и со всѣми знаками пышности; но и тамъ удалялся отъ лю-

дей, и даже ни съ кѣмъ не входилъ въ разговоръ.

Г. Цамбеккари, Болонскій Ученый, открылъ подписку для сдѣланія аэро-спаша или воздушнаго шара въ 33 футовъ діаметромъ, увѣряя, что онъ нашелъ средство править имъ на воздухѣ. Сей шаръ, чтобы поднять трехъ человекъ, долженъ стоить по крайней мѣрѣ 9000 рублей. Г. Цамбеккари надѣется, что любители Физики охотно помогутъ ему въ семъ случаѣ; онъ самъ хочетъ съѣсть на аэро-спашѣ и возьметъ съ собою еще двухъ желающихъ.

Валлисская Принцесса (пишутъ изъ Лондона) живетъ весьма уединенно въ загородномъ домѣ своемъ: а Принцъ, супругъ ея, участвуетъ во всѣхъ весельяхъ Двора и столицы. Сія Принцесса опмѣнно любима всѣмъ Англійскимъ народомъ, какъ за ея разумъ, такъ и за великую добродѣтель. Она любитъ единственно тихія удовольствія чувствительнаго сердца; любитъ заниматься книгами, музыкою и благотворить бѣднымъ, скрываясь отъ ихъ признательности.

Кипайскія Провинціи (пишутъ изъ Кантона) Сегуэнь и Конче, взбунтовались. Мятежники, по большей части горные

Жипеди и Сектапоры Индѣйскаго бога Фо, разбили нѣсколько опрядовъ Императорской арміи. Другія провинціи также готовы пристать къ нимъ и свергнуть его Ташарское. Кипайскій Императоръ имѣетъ недоставокъ въ деньгахъ для содержанія арміи. Купцы сего города, называемые *Гонгами*, видя опасныя обстоятельства Имперіи, послали ему въ даръ 600,000 *таэльсовъ* (около 800000 рублей). —

Изв. Монмюра.

V.

Извѣстія и замѣчанія.

Естьли письмо, полученное въ Лондонѣ изъ С. Доминго и во всѣхъ Вѣдомостяхъ напечатанное, не есть выдумка, то сей несчастный островъ снова сдѣлался театромъ убійствъ и ужасовъ: Негры взбунтовались, рѣжутъ Европейцовъ, и хотятъ свергнуть Туссена. Къ счастью можно еще сомнѣваться въ истинѣ сихъ извѣстій, хотя весьма подробныхъ, но какъ — по несвязныхъ и беспорядочныхъ. По крайней мѣрѣ люди, свѣдущіе въ тактикѣ новостей, не хотятъ вѣрить покуда до времени. — Новое Гваделупское возмущеніе остается также подъ сомнѣніемъ.

Въ Англїи распускающа сѣи печальныя для Французовъ слухи, можетъ быть, съ намѣренїемъ; а можетъ быть они и справедливы — и въ такомъ случаѣ Бонапарше весьма ксташи ошправилъ войско въ Колонїи. — Въ одномъ письмѣ изъ Мартиники, помѣщенномъ въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ, досшойно замѣчанїя слѣдующее :

„Опытъ доказываетъ намъ, что Муланшїи „самыя злѣйшіе враги и *бѣлыхъ* и *черныхъ*. „Революція вселила въ нихъ удивительную надменность и склонность къ шпранспву. Имъ мало того, чтобы равняться въ правахъ своихъ съ Европейцами: имъ хочется господствовать и повелѣвать; власполюбіе сдѣлалось ихъ пламенной спраспїю. Европейскїя Правленїя увидяшъ, сколь опасенъ сей родъ людей въ Колонїяхъ, людей дерзкихъ и злыхъ. Спокойствїе острововъ требуетъ, чтобы выгнашъ отъ насъ сихъ новыхъ Караибовъ; или черезъ десять лѣшъ пропадутъ не только Французскїя, но и Англїйскїя Колонїи. Европа должна рѣшишъ, что лучше: изгнанїе Муланшовъ или наша вѣрная погибель.“

Въ Лондонѣ всѣ увѣрены, что мирный трактатъ съ Францією или уже подписанъ въ Амьенѣ, или скоро будетъ подписанъ.

Бунтъ мапировъ на разныхъ Англійскихъ корабляхъ хопя и скоро прекращенъ былъ швердостію Адмирала, однакожь оспавиль въ умахъ нѣкошорое безпокойство. Англія, сильная единшвенно флошамн, должна бояшьяся и малѣйшаго безпорядка въ семъ основаніи своего могущества. Въ послѣднюю войну она была на краю бездны опъ шакого же бунта мапировъ: одна смѣлая рѣшишельность Миниспровъ спасада ее опъ величайшей опасности.

Новый непріатель (*) Англичанъ въ Индіи для нихъ *телерь* не спрашенъ; но могутъ ли они бышь увѣрены въ долговременномъ послушаніи всѣхъ памоншихъ народовъ? Полишика Англіи въ разсужденіи Индіи оспорожна и благоразумна; однакожь всему ешь предѣль, и 10000 Европейскихъ солдатъ не будутъ никогда *слокойными* влаштелинами милліоновъ людей, всегда гошовыхъ взбунтовашьяся по самому своему *невѣжеству*: ибо Компанія могла бы доказать Индѣйцамъ, ешьли бы Индѣйцы были умнѣе и просвѣщеннѣе, что она употребляешъ власшь свою въ собшвенную ихъ пользу, храня благоустройство въ своихъ обширныхъ

(*) Полигары.

владѣніяхъ, и выгодами дѣятельной торговли оживляя прудолюбіе лѣннихъ народовъ.

Теперь глаза Полиціиковъ и всѣхъ любопытныхъ обращены на Ліонъ, гдѣ радостный народъ, забывая всѣ прежнія бѣдствія, изъясняетъ Консулу Франціи свою любовь и признательность, осыпаетъ цвѣтами пѣрвыя улицы, на которыхъ еще не давно дымилась кровь жиделей, и порожественными монументами (*) *закрываетъ*, такъ сказать, монументы своего опчаянія, гробы опцовъ и дѣтей, бывшихъ жертвою свирѣпаго Колло д'Ербуа во время Роберспьерова., Ліонъ (говоритъ одинъ Журналистъ) „подобенъ человѣку, „копорый, долго спрдавалъ въ ужасахъ „темницы, вдругъ освобождается; вспааетъ „сб земли, омоченной слезами его лютой „горести; сдва вѣривъ глазамъ и слуху „своему; идетъ медленно, и мало по малу „чувствуетъ обновленіе силъ своихъ. Сер- „дце его нипаается цѣлебнымъ бальзамомъ; „раны закрываются; слѣды оковъ исче- „заютъ; онъ возраждается для надежды,

(*) Самый лучший изъ нихъ есть величественная арка или Тріумфальная вороша, слѣланная по образцу Римскихъ, Сейшимія Севера. На грудъ оружія, копій и щитовъ, стоятъ двѣ славныя стлупы, и левъ, означающій городъ Ліонъ, спокойно опдыкаетъ изъ зелени.

„жизни и щасія — и сквозь легкое облако меланхоліи на лицѣ его видно „одно душевное восхищеніе.“ Тамъ 480 Депутатовъ Чизальпиніи готовы принять слово Консула за уставъ для своего опечесства. Въ великолѣпной залѣ, копорой сводъ представляеть ясное небо и напоминаетъ Виргиліевъ стихъ: *Разсвѣвъ туги, онъ налѣ солнце возвращаетъ*, среди профеевъ и величественныхъ изображеній Тибра и Нила, Бонапарте, сидя на Консульскомъ тронѣ (*), долженъ чувствовать все то, чѣмъ онъ обязанъ Провидѣнію, и чѣмъ долженъ попомству. Онъ уже такъ славенъ, что ему мало думать только о славѣ своей, копорая перелилась изъ одного вѣка въ другой: миръ и благоденствіе челоѣчества должны быть всего прелестнѣе для истинно-великой души.

„Здѣсь готовится множество баловъ „для Перваго Консула (пишутъ изъ Ліона „за нѣсколько дней до его пріѣзда): они со- „спавляютъ теперь предметъ всѣхъ разго- „воровъ. Въ каждой части города избранные „Коммиссары записываютъ имена шѣхъ

(*) Въ залѣ, гдѣ должны собираться Чизальпинскіе Депутаты, сдѣлано для Консула возвышенное мѣсто.

„жипелей, которые могутъ быть на сихъ
 „балахъ; и всякой спарается попасть въ
 „списокъ. Модныя лавки наши безпреспан-
 „но наполнены женщинами, покупающими
 „все то, что можетъ возвысить блескъ
 „ихъ красоты и прелестей. Въ самыя
 „лучшія времена Франціи не бывало въ
 „Ліонѣ такой роскоши, какъ теперь;
 „кажется, что мы вдругъ разбогатѣли,
 „и что золото упало къ намъ съ неба.
 „Сюда прѣехали Тальма, Весприсъ, всѣ
 „лучшіе Артисты Парижскихъ театровъ
 „и множество иностранцевъ, которыхъ
 „Ліонскіе пракширщики хотѣли обиратьъ
 „безъ милосердія; но жипели, узнавъ о
 „томъ, и желая, чтобы гости были со
 „всѣхъ сторонъ довольны, предложили
 „имъ свои дома и столъ за самую умѣ-
 „ренную цѣну. Вездѣ большіе обѣды,
 „концерты, праздники; на самыхъ ули-
 „цахъ гремитъ музыка для народнаго
 „удовольствія, и поселяне изъ окрестныхъ
 „деревень всякой день приходятъ въ
 „городъ веселишься.“

„Отсутствіе Перваго Консула (пи-
 „шущаго изъ Парижа) будетъ не долго-
 „временно. Здѣсь все спокойно и весело.
 „Второй и Третій Консулъ нѣсколько
 „разъ въ недѣлю приглашаютъ къ себѣ
 „на чай многочисленное общество, и часто

„дають концерты. Бонапарте хотѣлъ,
 „чтобы Префекты Дворца были женатые
 „люди, и могли жить открытымъ до-
 „момъ. Однимъ словомъ, у насъ есть опять
 „большой свѣтъ, безъ котораго многіе
 „люди не знали бы, что дѣлашь въ свѣ-
 „тѣ. — Слухъ носится, что Первый
 „Консулъ въ самый часъ отъѣзда своего
 „подписалъ ратификацію мирнаго прак-
 „таша, заключеннаго въ Амьенѣ; но это
 „не вѣроятно. — Нѣкоторые спрогіе люди
 „осуждаютъ Бонапарте, что онъ *позволилъ*
 „себѣ разсердиться на Трибунатъ, копо-
 „рый отвергнулъ первыя статьи Кодекса,
 „находя ихъ недостапочными. Сіа Кри-
 „тики говорятъ, что великой человекъ
 „долженъ быть выше всѣхъ обыкновенныхъ
 „движеній личнаго самолюбія; долженъ
 „думать только о пользѣ опечества; и
 „еслили новое Уложеніе необходимо для
 „Франціи, то Бонапарте напрасно ве-
 „лѣлъ объявить Законодательному Совѣ-
 „ту, что Правленіе опказывается отъ
 „сочиненія Кодекса. Это дѣйствіе досады
 „(humeur) и народъ не долженъ быть
 „жертвою личносней. Члены Трибунаша
 „поступили конечно не совсѣмъ благораз-
 „умно, и многія ихъ возраженія были
 „только прицѣпками; но Консулы могли
 „бы доказать свою ревность къ общему

„благу, исправить шапши сообразно съ замѣчаніями Трибуната, и снова предложить ихъ. Такъ думаютъ, какъ я сказалъ, наши строгіе Критики; а публика, comme de raison, ничего не думаетъ.“

Швейцарія, особливо горные Кантоны, все еще въ волненіи. Ландманъ Редингъ, одинъ изъ знаменитыхъ патріотовъ, возвратился изъ Парижа въ Бернъ, съ увѣреніемъ, что Бонапарте готовъ подкрѣплять всѣми силами благомыслящихъ Швейцаровъ, естъли они соединятся между собою въ системѣ лучшаго правленія для ихъ Республики. Попомки Телевы имѣютъ нужду въ великомъ человѣкѣ, который могъ бы рѣшительно дѣйствовать на умы и соединять ихъ въ одну волю; но Бонапарте справедливо сказалъ, что Швейцарія осталась на волнахъ безъ кормчаго. Великіе люди не вездѣ и не всегда родятся; не всякой можетъ ударить Нептуновымъ презубцемъ по морю и укротить волны Революціи.

Пробѣгая взоромъ Европу, видимъ Короля (*), не хопящаго ѣхать въ свое Королевство и желающаго оспаться въ чужой столицѣ (**), въ которую ея Король

(*) Сардинскаго.

(**) Въ Неаполѣ.

не возвращается; видимъ новаго Монарха Эшрурѣи, слабаго здоровьемъ, но дѣятельнаго для блага своихъ подданныхъ; видимъ Принца Оранскаго, спокойно живущаго въ своемъ маленькомъ Княжествѣ, и любимаго народомъ, который радуется его присутствію. . . Можетъ быть, потерявъ надежду возвратиться съ торжествомъ въ Голландію, онъ теперь несчастливѣе, нежели прежде!

Пасванъ-Оглу, по новѣйшимъ извѣстіямъ, не намѣренъ такъ скоро примириться съ Портою. Бѣлградскіе Янычары, ирански умершвивъ Палу, объявили Пасвана единственнымъ своимъ начальникомъ; слѣдственно Бѣлградъ теперь ему принадлежитъ, если газеты насъ не обманываютъ. Въ слѣдующемъ номерѣ *Вѣстника* сообщимъ нѣкоторыя извѣстія о семъ необыкновенномъ чловѣкѣ, который, не смотря на множество чрезвычайныхъ происшествій нашего времени, нѣсколько лѣтъ судьбою своею занимается любопытство Европы.
